
МАРИЯ ВОРОНОВА

~~~~~ роман ~~~~~

КНИЖНАЯ ДЕВОЧКА

Книги Марии Вороновой
для тех, кто не ждет от жизни
чудес, а знает, что счастье в
семье дается ежедневной
заботой, любовью, верностью
и преданностью.

А. МАРИНИНА

Большая любовь. Романы М. Вороновой

Мария Воронова
Книжная девочка

«ЭКСМО»

2014

Воронова М. В.

Книжная девочка / М. В. Воронова — «Эксмо»,
2014 — (Большая любовь. Романы М. Вороновой)

ISBN 978-5-699-75437-3

Женя выросла без родителей, в семье строгой дамы, считающей себя аристократкой. С детства главным Жениным утешением были книги. Она устроилась на работу в книжный магазин – и так случилось, что его владелец, солидный сорокалетний бизнесмен, позвал ее замуж. Новая клетка, на этот раз золотая, – но сироте выбирать не приходится... В большой квартире, где ей предстоит «вить семейное гнездышко», молодая жена находит портрет юной красавицы. Странное чувство заставляет Женю начать настоящее расследование, чтобы узнать о ее судьбе. Результаты приводят в отчаяние... Что поможет ей не пасть духом, выстоять в борьбе за собственное счастье? Возможно, прочитанные книги...

ISBN 978-5-699-75437-3

© Воронова М. В., 2014

© Эксмо, 2014

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	14
Глава 3	19
Глава 4	27
Глава 5	35
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Мария Воронова

Книжная девочка

© Воронова М. В., 2014

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2014

Глава 1

Прислушавшись к легким шагам Натальи Павловны в глубине квартиры, Мила вздохнула. Так вдруг захотелось оказаться в своей уютной норке, пить кофе в ночной рубашке, сонной, совершенно одной!

Здесь она тоже как бы у себя дома и вольна выползти из спальни в любом виде, но находится рядом со свекровью в халате и растрепанной – хуже, чем нагишом. Со вкусом чертыхнувшись себе под нос, Мила оделась. Увы, есть кое-что, что нельзя снять вместе с халатом. Десяточек-другой лишних килограммов. Рядом с подтянутой пожилой дамой она ощущала свою полноту особенно остро, читая жалостливое презрение во взгляде Натальи Павловны. Она даже знала, каким словом та о ней думает: «распустеха». Довелось как-то подслушать.

– Доброе утро, Милочка!

Маленькая «м» в имени слышалась очень отчетливо. По несчастному стечению обстоятельств ее имя совпадает со старорежимным обращением к горничным (милочка, подайте чаю), и старуха этим пользуется. Она обожает все дворянское. До хруста, так сказать, французской булки...

Заваривая кофе, Мила вспомнила хрестоматийное Милочка-Людочка из фильма «Покровские ворота» и улыбнулась. Неправильно говорят, что имя – это судьба. Наоборот, судьба извлекает производную из твоего имени. Урожденный Иван Иванович Иванов может превратиться в решительного и компетентного руководителя Иванова, в интеллигента и хорошего специалиста Ивана Ивановича, в надежного мужика Ивана и в безобидного услужливого алкаша Иваныча. А также в разгильдяя Ваньку и в ласкового, но бесполезного Ванечку.

А она всю жизнь, целых сорок лет, Мила. С кем бы ни познакомилась, Людмила Эдуардовна исчезает моментально. И, пожалуйста, остаток: не деловая и решительная Люда, даже не романтическая Люся в бирюзе и рюшечках, а недалекая уютная Мила. Милочка, одним словом.

– Прошу вас, – улыбаясь слишком искренне, она протянула чашку Наталье Павловне.

– Спасибо, Милочка! Вы делаете изумительный кофе.

– Я тут ни при чем, Наталья Павловна. Залить кипятком может любой.

– Не скажите. – Старая дама одарила ее улыбкой, которая в шесть утра показалась Миле людоедской. – Я много раз пыталась заварить кофе по вашему рецепту, строго следуя предписаниям, а у меня не получалось даже наполовину так вкусно!

«Ну правильно, – мрачно подумала Мила. – Почему кофе в этом смысле должен отличаться от других продуктов?»

Фирменный Милин рецепт был изобретен ею давным-давно, в одно из первых дежурств в клинике. От души насыпать молотый кофе в металлическую кружку, залить крутым кипятком и на три минуты накрыть крышкой. Все! Проще некуда, но кофе получался по-настоящему вкусным, так что Мила стала использовать этот способ приготовления и дома, даже специальную большую кружку завела.

Наслаждения, как обычно, хватило ровно на полчашки. После нескольких глотков проснувшийся мозг напомнил, что нужно успеть приготовить завтрак с обедом и переглядеть белье.

Допивая кофе уже на ходу, Мила захлопотала. А Наталья Павловна включила телевизор.

Красивая старая женщина, сохранившая к семидесяти годам и фигуру, и осанку, она всегда тщательно следила за собой. Дома ходила в юбках и блузках, прическа волосок к волоску, легкий макияж, а вечером – непременно капелька «Шанель № 5». Не все женщины так собираются на службу, как Наталья Павловна – в кухню собственной квартиры. На ногах у нее всегда туфли. Шаркать любимыми шлепанцами рядом с этим образцом элегантности было невозможно, приходилось соответствовать.

«Какого черта ты каждый день поднимаешься в шесть утра? – размышляла Мила, с неприязнью поглядывая на безмятежную даму. – Тебе некуда торопиться, поспи хоть до восьми, дай людям спокойно собраться на работу! Чтобы мне не надо было наводить красоту два раза за утро! Я уж не говорю, что ты, пенсионерка, могла бы заниматься хозяйством, а не спихивать все на много и тяжело работающую женщину. Под предлогом «ах, Милочка, теперь вы здесь хозяйка!». Хозяйка, как бы не так! Бесплатная прислуга, это вернее».

– Боже мой, какая пошлость, – воскликнула Наталья Павловна, кивая на экран, где шла довольно откровенная реклама. – Эта нарочитая, болезненная сексуальность говорит не только о распушенности, но и об умственной деградации нации!

Мила только кивнула. В этом семействе принято мыслить глобально, с размахом. Она давно заметила грустную закономерность: чем меньше человек способен устроить собственную судьбу, тем больше его тянет рассуждать о судьбах нации.

– Человек, выставляющий напоказ свои инстинкты, просто глуп, – продолжала Наталья Павловна. – Он мало чем отличается от животного, вы согласны?

Мила кивнула, чувствуя, что краснеет. Как говорил Винни Пух, «это жжжж неспроста».

Вчера они с мужем позволили себе кое-что, и, хоть старались не шуметь, Наталья Павловна могла слышать их возню через стенку. И это продолжалось довольно долго – в чем в чем, а в холодности Миленного мужа не упрекнешь.

Она невольно улыбнулась, вспоминая вчерашнюю ночь.

Помешали, значит, старухе спать, и теперь она намекает, что пора бы сократить плотские утехы. Секс, мол, для дураков.

– Да, для этого дела не обязательно быть Эйнштейном, но, с другой стороны, не обязательно Эйнштейном и не быть, – фальшиво засмеялась Мила. – Главное, чтобы людям было хорошо вместе, интеллект тут роли не играет. А телевизор можно просто не смотреть.

– Вот как? – Наталья Павловна вздернула бровь.

– Да, так. Выключите газ под супом через час, будьте добры, а я пойду гладить.

Удостоившись кивка, Мила пошла в гостиную, где ее ждал приятный сюрприз. Женя, оказывается, все перегладила.

Настроение сразу поднялось. Девушка Женя, хоть и не родственница, была в этой семье единственным человеком, к которому Мила относилась с искренней симпатией.

Женину внешность можно было бы назвать неброской, даже невзрачной, но заурядной – никогда. Порой таких людей долго не замечаешь, но вдруг взглянешь – и навеки очарован их прелестью.

Фигурка у Жени была легкая, скромная по части традиционных атрибутов женской красоты, а нарядами девушка себе привлекательности не добавляла: одевалась с той почти эксцентричной бедностью, которую могут спокойно переносить только очень свободные или очень далекие от реальности натуры. На хорошую одежду денег никогда не было, а ходить в дешевке не позволял врожденный вкус. А может быть, скупость Натальи Павловны, кто знает?

Девушку одевали «из чемодана». Периодически с антресолей извлекали древние фанерные кофры в железных уголках и с примотанными голубой изолентой ручками, перетряхивали слежавшиеся вещи и после небольшой переделки торжественно вручали Жене с напутствием: это настоящее французское, такого натурального шелка теперь не найдешь. Было в этом действе что-то невыносимо археологическое, и Мила, юность которой прошла примерно так же, только «из сундука», очень сочувствовала Жене.

Детство Милы пришлось на закат Советского Союза, с его кастами и дефицитом. В те времена хорошо одеваться значило не только красиво выглядеть. Импортные джинсы или кроссовки в детском коллективе служили «социальными лифтами».

Увы, Мила была лишена не только импортных, но и просто новых вещей, вплоть до выпускного класса ходила в обносках, старых, страшных, не подходящих к фигуре. Поэтому

она пряталась, сутулилась, чувствуя себя в любом обществе неловко и угнетенно. Сразу после школы Мила стала зарабатывать, но скованность, недовольство собой и неумение красиво одеться остались с ней навсегда.

Мила напоминала себе диккенсовского мистера Уилфера¹, который, будучи обременен большой семьей, покупал себе детали костюма по очереди, начиная с туфель. А когда дело доходило до шляпы, туфли уже полностью разваливались.

Приходя в магазин, Мила понимала, что может себе позволить гораздо меньше, чем ей нужно, и ничего из того, что действительно ей нравится. Вдобавок совесть немедленно начинала петь, что она обделяет семью, а зеркала примерочных отражали совсем не то, что ей хотелось бы видеть.

Но Женю она с удовольствием бы принарядила.

Однако та всегда деликатно отвергала Милины предложения пройтись по магазинам.

Девушка, казалось, вовсе не тяготилась нищетой своих туалетов. Спокойно разгуливала в поржелых юбках и свитерах с поднятыми петлями.

Женя училась в педагогическом университете на словесника, и литература была для нее не только увлечением, но и страстью. Милин муж шутил: всех детей находят в капусте, а тебя – между страниц «Войны и мира».

Действительно, Женина душа жила там, под переплетами классических романов.

Уникальная девочка, думала Мила. Словно гостя из выдуманного книжного мира. И судьба у нее уникальная: где в двадцать первом веке встретишь девушку, которую называют «воспитанница»?

* * *

Приняв смену у дежурных сестер, Мила собралась на традиционный кофейный тет-а-тет с профессором, но позвонили из операционной. Не ладится аппендицит.

Чертыхнувшись, она поспешила на выручку, по дороге прикидывая, что могли отколоть, вернее отрезать, ее любимые клинические ординаторы.

Но физиономия анестезиолога лучилась такой умиленной радостью, что сразу стало ясно – никакой беды не произошло.

– Ты что такой счастливый? – буркнула она вместо приветствия.

Мила не сердилась, просто соблюдала правило хорошего тона: если тебя вызвали в операционную, первые две минуты будь хмурым и злым.

– Представляешь, кто у нас пациентка? Настоящая стриптизерша!

– Вообще-то на работе сейчас не она, а ты! – жестко сказала Мила. – Нечего заглядываться!

– Стриптизерша-то стриптизерша, а отросток показывать не хочет! – прокричал ординатор.

– Правильно, – Мила, наконец, улыбнулась, – интрига должна быть.

Она заглянула в рану. Разрез слишком маленький, нужно сказать ординатору, чтоб расширился, и аппендикс сам прыгнет ему в руки. Но для этой молодой девчонки грубый рубец на животе, наверное, профнепригодность...

– Я моюсь. Халат найдется?

Мила подвинула ординатора. Извлечь отросток из этой крошечной ранки все равно что незаметно достать кошелек из внутреннего кармана чужого пиджака. Требуется мастерства и нервного напряжения. А девушка даже и не узнает, кто удалил ей аппендикс через двухсантиметровый разрез и сделал косметический шов в придачу.

---

¹ Герой романа Диккенса «Наш общий друг», любящий многодетный отец и подкаблучник. – *Здесь и далее примеч. авт.*

– Просто я работаю волшебником, – промурлыкала Мила, выслушивая комплименты своему безупречному шву.

Эти восторги всегда немного раздражали ее. Восклицания вроде «Уж швы-то у Милы – загляденье!» казались ей не признанием, а отрицанием ее заслуг. Сразу как-то слышалась вторая часть фразы – «хотя звезд с неба не хватает».

Будто швы – это единственное, что она делает хорошо!

– Вот ты где!

Пользуясь тем, что лицо еще закрывает маска, Мила состроила рожицу и картинным жестом бросила перчатки в таз.

– Я в вашем распоряжении, Руслан Романович.

– Мила, ну нельзя же так пропадать! – горячился профессор Волчеткин. – Я, как говорится, утром должен быть уверен, что с вами днем увижусь я! Волноваться уже стал, не случилось ли чего.

Мила улыбнулась. Заведующий кафедрой общей хирургии выделял ее среди других докторов. Она была его верной помощницей, бессменной ассистенткой на операциях, соавтором научных статей. Что-то среднее между Санчо Пансой, доктором Ватсоном и Ариной Родионовной. Преданная посредственность при гении – ничего хорошего нет в этом статусе, но многие завидовали ее близости к начальству. Особенно тому, что профессор с ней *делится*. О таких вещах почему-то всем и всегда досконально известно.

Из-за этого отношение к ней в коллективе было двойственное: профессор и клинические ординаторы, которых она как наседка опекала, ее обожали, а доценты, наоборот, терпеть не могли.

Мила была старше Руслана Романовича, и вообще не красавица, поэтому грязных сплетен про них не распространяли, но зато говорили другое, еще обиднее. Мол, Мила профессору чай подает наподобие секретарши и даже прибирается у него дома по выходным. Лебезит перед заведующим как может. Однако все ее услуги не искупают ее тупости, и непонятно, почему Волчеткин до сих пор возится с ней. Уж не потому ли, что когда-то в незапамятные времена она поставила его на крыло? Научила... да господи, чему она научить-то его могла? Швы красивые накладывать если только! Гиппократ в своей клятве предписывал врачу почитать своего учителя, но не настолько же...

«Настолько! – хотелось воскликнуть Миле. – Вы завидуете моим привилегиям, которые я заработала, нянчась с Русланом на заре его карьеры. А вам кто мешал огранить этот бриллиант? Когда Волчеткин поступил на кафедру, вы все здесь уже работали. И я, в то время аспирантка, совсем не навязывалась ему в учителя. А вы, ребята, всегда оберегали от молодых свои знания, как скупые рыцари. Правильно, ведь все ваши знания и умения можно перенять за три месяца, и тогда вы уже не сможете чувствовать себя корифеями среди грамотной дельной молодежи».

– Ну, Мила, как я выгляжу? Готов к обходу?

Мила с удовольствием посмотрела на крутящегося перед зеркалом профессора. Внешность Руслана совершенно не соответствовала этому высокому научному званию. Даже ранняя проседь в густых черных волосах не спасала. Был он высоким сухощавым парнем, широкоплечим, длинношеим и длинноногим. Лицо узкое, глаза большие, слегка раскосые, с высокими треугольными бровями. Внушительный римский нос и длинная верхняя губа, общепринятые признаки аристократизма, почему-то придавали Руслану, наоборот, плутовской вид.

Подмигнув своему отражению, Волчеткин облачился в белоснежный двубортный халат и стал пристраивать на голове медицинскую шапочку.

– Сверкая белым колпачком, к тебе я двигаюсь бочком, – пропел он и действительно легонько боднул Милу бедром. – Так как я тебе?

- Божественно красив и чертовски привлекателен.
- Это понятно. А печать гениальности на челе?
- Присутствует. И сияние чистого разума включено.
- Тогда погна́ли.

Мила не стала наводить красоту. Кто станет разглядывать тетеху-доцента, плетущуюся на полшага позади профессора? Все взоры обращены к нему.

Волчеткин сейчас разберется с тяжелыми и непонятными больными, он великолепный диагност. Выведет на чистую воду любую болезнь, чем бы она ни прикидывалась. А главное, возьмет на себя ответственность. Лечащий врач запишет в истории «обход профессора Р.Р. Волчеткина» и уйдет домой со спокойной душой. Доложил светилу, получил указания, выполнил. Если что не так, все вопросы к Волчеткину Р.Р. Особенно это актуально сейчас, когда считается, что любая смерть – ошибка врача, и над каждым доктором реет зловещая черная тень прокурора. Вот и получается, что работаем не за совесть, а за страх, и вместо «что нужно делать, чтобы вылечить больного?», думаем «что нужно делать, чтобы в случае чего не пострадать самому?». А если еще помнить про уголовную ответственность за взятки, то впору воскликнуть вслед за Русланом Романовичем: «Ей-богу, лучше бы я в грабители банков пошел! И доход больше, и, главное, шансов сесть в тюрьму меньше!»

Но, поскольку с банками не задалось, Волчеткин безропотно нес весь груз ответственности, положенный заведующему кафедрой. Он никогда не увиливал от консультаций, не отказывался от своих решений, и каждый сотрудник твердо знал, что профессор не пожертвует им ради собственной безупречной репутации, а, наоборот, будет защищать до последнего. За это ему прощали и немного эксцентричную манеру поведения, и цинизм, и молодость, и даже талант, граничащий, по мнению некоторых, с гениальностью.

* * *

Маленькая, но энергичная ватага детей выбрала наконец пеналы и умчалась из магазина. Женя прошлась по залу, нежно провела ладонью по корешкам книг... «Как же мне повезло с работой!» – умиротворенно подумала она.

После хлопотливой службы в сетевом кафе, сопровождаемой постоянными окриками «менеджера зала», должность продавщицы в книжном казалась настоящей синекурой. Женя обожала особую атмосферу книжного магазина, это легкое дуновение волшебства, предвкушение чуда.

Не просто лабиринт стеллажей с разноцветными томиками, а ворота в сказочный мир. И она – хозяйка этого мира. А что делать, если воспоминания о прочитанных книгах ярче и старше, чем воспоминания о себе самой?

Она росла одиноким ребенком. От нее не скрывали ее сиротского, зависимого положения. Разумеется, Наталья Павловна добросовестно выполняла взятые на себя обязательства и даже прилагала некоторые усилия, чтобы скрыть неприязнь к подброшенному ребенку. Но Женя всегда чувствовала напряжение, которое испытывала ее воспитательница, общаясь с ней.

Родным внукам Натальи Павловны она тоже была не интересна. Оба младших мальчика со свойственным детям безошибочным чутьем понимали ее место в доме. С тем же самым детским чутьем Женя подсознательно избрала самую безопасную тактику: хорошим поведением и помощью по дому зарабатывала дипломатический иммунитет и погружалась в книгу. И для нее сразу переставала существовать эта мрачная огромная квартира на Петроградской стороне, за высокими узкими окнами которой почему-то всегда было темно. Исчезал скрип паркета и шум дождя за стеклом, и Жене казалось, что она сама тоже исчезает...

Она подровняла стопку новинок модного автора и взяла верхний экземпляр. Почитает, пока нет покупателей. Женя знала, что это будет интересное, но неглубокое чтение, позволяющее одним глазом скользить по тексту, а другим – наблюдать за магазином.

Тишина здесь нарушалась нечасто. Опорой бизнеса были дети, покупающие школьную канцелярию. Поэтому Женя уделяла особое внимание этим товарам, раскладывая их как можно заманчивее. А взрослые, кажется, воспринимали ее заведение не как магазин, а как музей. Приходили, листали книги и ставили обратно на полку, чтобы дома спокойно скачать из Интернета.

Женя огорчалась и тревожилась: она работала всего две недели и боялась, что с такими продажами зарплаты ей не видать.

Нужно было остаться в кафе, печь блины. Их-то из Интернета не скачаешь.

Но не успела она прочесть и трех страниц, как ее уединение было нарушено. Женя дисциплинированно встала и улыбнулась покупателю:

– Добрый вечер!

– Добрый, – буркнул тот и пошел вдоль стеллажей.

Женя опустила глаза. Ей казалось, если она будет таращиться на посетителей, те подумают, что она подозревает их в воровстве, и обидятся. Она вообще старалась быть как можно незаметнее, ведь у каждого человека свое воображение, свой книжный мир, и любое вмешательство только развеет ощущение сказки.

Стоя за прилавком, она украдкой продолжала читать, спрятав книгу под столешницей, но быстро почувствовала, что посетитель ведет себя необычно. Он ходил по магазину как-то возмущенно, нарочито. А снимал книги с полок и вовсе, можно сказать, гневно. Женя растерялась и посмотрела на него внимательнее.

Высокий мужчина средних лет, подтянутый. Одет стандартно: джинсы, кожаная куртка. Короткая, почти армейская стрижка, но волосы над высоким лбом упрямо хотят сложиться в вихор. Блондин с отливом в рыжину. Лицо с правильными чертами, небольшой шрам на подбородке. Но, если присмотреться, в лице есть что-то калмыцкое, что ли. То ли в выпуклых скулах, то ли в грубых вертикальных морщинах на щеках.

Полистав очередную книгу, посетитель не вернул ее на стеллаж, а оставил на столике с выложенными новинками. И бросил на Женю такой взгляд, что ей стало не по себе.

На всякий случай она улыбнулась.

– Товарищ продавщица, подойдите! – скомандовал мужчина, и Женя едва не хихикнула: надо же придумать такое нелепое обращение!

Под его взглядом она послушно вышла из-за прилавка. Посетитель как бы сердился, но Женя вдруг поняла, что в его глазах не злость. Совсем другое. Он смотрит на нее... как на женщину. Она почувствовала себя... нет, пожалуй, не голой, как героини романов. Застигнутой врасплох, так вернее.

Она не хотела такого внимания. С детства она знала – на нее смотрят, только если она загоразживает более привлекательный объект. Со временем это стало образом жизни – никому не мешать. Быть невидимкой.

Поэтому внимательный взгляд посетителя совсем ей не нравился. Привычный и даже любимый собственный наряд внезапно представился ей нелепым, глупо же во втором десятилетии двадцать первого века подражать Одри Хепберн.

Впрочем, ей быстро удалось взять себя в руки и вспомнить, что она – на работе.

– Чем могу служить? – Женя сама удивилась, как у нее вылетело это книжное выражение.

– Вы должны были задать этот вопрос десять минут назад! – фыркнул посетитель.

– Простите, пожалуйста. Мне показалось, вы хотите сами выбрать книгу, я не хотела вам мешать. Но теперь я в полном вашем распоряжении.

– Неужто?

Женя невольно покраснела, и посетитель посмотрел на нее как-то уж совсем нагло.

Но женщина не имеет права терять самообладание. Так говорила Наталья Павловна.

– Прошу вас! – Она сделала приглашающий жест. – Скажите название книги, и я быстро ее найду.

– Давно бы так! Вы должны вцепляться в каждого посетителя и без покупок не выпускать.

– Это только хуже выйдет, – улынулась Женя. – Если навязывать свое мнение, человек ни за что не захочет покупать. И потом – как советовать? У каждого свой вкус, невозможно угадать, что кому придется по душе.

– А как вы, с такими взглядами, собираетесь делать выручку?

Женя смущенно пожала плечами.

– Почему вы не можете советовать? – настойчиво продолжал посетитель. – Не разбираетесь в литературе?

– Скорее, не разбираюсь в людях, – пробормотала Женя.

– Вот как? – Он хмыкнул и кивком позволил ей вернуться за прилавок. – А где же хваленая женская интуиция?

Смутившись окончательно, Женя только развела руками. Мужчина осуждающе покачал головой.

– Тренируйтесь, – сказал он. – Для начала попробуйте угадать, какие книги люблю я.

– Как я могу? Нет, не стану и пытаться.

– Почему?

– А вдруг я угадаю? – Женя отчаянно боролась со смущением. – Ведь наши любимые книги – это наша душа. Зачем вам открывать душу чужому человеку?

– Хорошо, – неожиданно согласился он. – Тогда поступим иначе. Вы предложите мне пять книг. Я их куплю, и, если они все мне понравятся, буду к вам ходить. А если нет, то...

– Получится, что вы зря потратили деньги, и тогда...

– Если они мне не понравятся, – не слушая ее, повторил посетитель, – я вас уволю. Это мой магазин.

...Что ж, мир возвращался в привычные рамки. Мужской интерес, особенный взгляд – все это лишь померещилось ей. Просто владелец решил изучить новую сотрудницу.

– А можно задавать вопросы? – пискнула Женя.

– Нет. Не вижу смысла открывать вам душу, – усмехнулся он.

Женя обреченно пошла к стеллажам. Было ясно, что сейчас она выберет книги, прочесть которые для этого человека – все равно что лимонов наесться. Он ее выгонит, и правильно сделает: бизнес и так еле дышит, чтобы еще держать придурковатую продавщицу.

Она быстро сняла с полок пять томов и положила стопку на прилавок.

– Пожалуйста. Не уверена, что все они придутся вам по душе, но, по крайней мере, вы не бросите их на половине от скуки.

– Что ж, полюбопытствуем. – Он взял в руки верхнюю книгу, и Женя невольно залюбовалась его длинными сильными пальцами. – Пушкин, «Капитанская дочка». Разумный выбор, пожалуй. Когда кошмар под названием уроки литературы давно забыт, можно и перечесть. Шефнер, «Сестра печали» – посмотрим... «В окопах Сталинграда»² – неплохо. «Айвенго», – он неожиданно засмеялся, – вот это да! Придется погрузиться в детство... А это что? «Граф Монте-Кристо» – почему?

Он подержал книгу на ладони, будто взвешивая.

– Простите?

– Почему вы выбрали «Графа»?

– Не знаю. Интуитивно...

---

² Историческая повесть В. Некрасова.

– А почему не предлагаете детективы? Сейчас все читают детективы.

– А вы – нет! – храбро выпалила Женя.

– И вы, видимо, нет, – усмехнулся ее работодатель, – угадал?

Она кивнула.

– Низкий жанр?

– Нет, конечно, нет! – горячо возразила Женя. – Среди детективов не меньше талантливых книг, чем в других жанрах.

– В чем же тогда дело? – Мужчина положил, наконец, томик Дюма на прилавок и посмотрел на Женю с интересом. С нормальным человеческим интересом, а не с примерещившимся ей мужским.

– Я не могу принять, когда потеря близких, смерть, самые большие несчастья становятся всего лишь предметом загадки. Это как-то нехорошо...

Он немного подумал и сказал:

– Согласен, – и подвинул книги к кассовому аппарату. – Оформляйте покупку. И позвольте сообщить вам, что вы очень странная девушка. Тем более странная, что на вас блузка, как была у мамы в моем детстве.

Глава 2

Мила неторопливо шла по Зверинской улице. Она ходила на работу пешком: с Петроградской стороны на Васильевский остров и обратно. Будто с одной планеты на другую. Петроградская казалась ей мрачной. Темная, гранитная, тревожно-красная, какая-то узкая. А Васильевский, наоборот, светлый и просторный.

Она вышла на набережную, повернула на мост. Совсем еще темно, только где-то вдалеке занимается суровый ноябрьский рассвет. Край солнца с трудом пробивался сквозь черный бархат осеннего неба. Мила остановилась, вдыхая промозглый запах моросящего дождя. Посмотрела на тяжелые, ленивые волны Невы, на одинокий буксирчик в желтых кляксах сигнальных огней.

«Как причудливо жизнь тасует и сдает карты! – думала Мила. – Вот я, прожив почти целую жизнь, вдруг оказалась здесь, и хожу той же дорогой, что моя бабушка в страшные годы блокады. Разве я могла предположить, слушая в детстве ее рассказы, что мне придется повторять ее путь почти шаг в шаг? Хотя и время другое, и город стал другим, да и бабушки давно нет».

Мила очень любила Ленинград своего детства. Кроме обязательных экскурсий с классом, любила одинокие прогулки, во время которых ей открывалась не парадная, а тихая, внутренняя красота города.

Затея с переименованием Миле не понравилась. В ту пору она училась на третьем курсе института и, как все ее поколение, была в ужасе от открывшихся зверств большевизма. Но, безоговорочно приняв превращение дедушки Ленина в кровавого тирана, она инстинктивно противилась возвращению старого названия – ей казалось, что с этим переименованием ее хотят насильно переселить в другую жизнь.

И другая жизнь действительно началась, и город изменился. Тот, прежний Ленинград, сильный и светлый, как юноша, растаял в утреннем молочном тумане. Что ж, он всегда был немного призраком, этот город-мученик, город-герой.

Новый город, крепкий жизнелюб, украсил себя дорогими витринами, оброс жирными боками пригородов, залоснился сиянием реклам и подсветок.

Так и должно быть. Раз город меняется, значит – живет. Города взрослеют и стареют, как люди.

Санкт-Петербург переживает прекрасный период зрелости и расцвета, уговаривала себя Мила. Но в нем почти не осталось мест, где она могла бы встретить свою ускользающую тень, услышать отзвук своего юного смеха, снова хоть на миг ощутить себя влюбленной... Ее душа словно бы ушла отсюда, город перестал принимать и узнавать ее, и Мила с горечью чувствовала, что уходят и души тех, кто жил здесь раньше, покидают улицы и набережные с тихим шелестом осенней листвы, с неслышной поступью первого снега...

Скользнув взглядом по грозному объявлению, что сотрудникам категорически запрещается входить через приемное отделение, Мила толкнула тяжелую дверь. Охранник ее приветствовал.

Администрация права, если все начнут шастать через приемник, ничего хорошего не получится, но слишком уж много запретов в последнее время. И сотрудников так и тянет эти запреты нарушать. Чтобы не чувствовать себя политзаключенными.

Мила, за почти двадцать лет беспорочной службы не заработавшая ни чинов, ни медалей, была уверена, что заслужила право входить в клинику там, где хочет.

Она тепло поздоровалась с сестрами, прошла мимо стойки регистрации. Возле смотровой, как обычно, крутился маленький людской водоворот. Центром его был молодой ординатор. Доктор прижимал к груди стопку историй болезни, а больные теребили его.

– Я жду уже три часа! Три часа! – горячился высокий сухопарый дядечка, на лице которого читалась вся боль угнетенной русской интеллигенции.

– Вы посмотрели мой снимок? – пронзительно интересовалась старушка.

Мила притормозила. Интересно, как парень разберется с наплывом страждущих?

Активней всех был «интеллигент», к нему ординатор и повернулся. Ошибочка, отметила Мила, самых наглых и шумных надо обслуживать последними. Не только в воспитательных целях, но и потому, что по-настоящему больной человек обычно не может громко заявить о себе.

– Нет, вы скажите, сколько еще можно ждать! – восклицал дядечка.

– Ваша фамилия? – Ординатор принялся листать истории.

– Имя мое хомо, а фамилия моя сапиенс! – заявил «интеллигент» с невыразимой горечью.

Парень еще раз просмотрел истории.

– Но у меня нет вашей карточки!

Мила громко рассмеялась. Сама она за годы работы пропиталась профессиональной мизантропией: человек как тело вызывал ее врачебный интерес, но человек как личность раздражал. Особенно если пытался ярко проявить эту свою личность перед доктором на излете рабочих суток.

Подмигнув ординатору, Мила пошла в отделение, переодеваться и принимать смену. В коридоре звучал фактурный бас Волчеткина. Профессор всегда приходил в клинику по субботам – смотреть тяжелых больных, работать с бумагами. Она прислушалась:

– Мои обязательства перед Гиппократом вас не касаются! – сообщил кому-то профессор и появился в коридоре. – О, Мила, привет!

Распахнул перед ней дверь ординаторской, помог снять пальто, включил чайник.

– Гиппократ им подавай! – Руслан заглянул в холодильник. – Да, бабушка храпит и бормочет, но куда я ее дену? А соседки давай меня стыдить! Мол, Гиппократ, на меня глядя, в гробу переворачивается!

– В каком гробу, он же бог! Бог врачевания. В лучшем случае, на Олимпе икает.

– Ты путаешь, бог это Эскулап. А наше население возлагает свои необоснованные надежды на Гиппократ. Не зная, что главная его заслуга в том, что он додумался брать гонорар! Если бы медицина с древности была бесплатной, мы бы дальше деревянной шины, жгута, голода и льда не продвинулись.

– А если уж говорить о клятве, – подхватила Мила, – в ней речь о том, чтобы не помогать человеку свести счеты с жизнью, не делать аборт, не спать с пациентами и их домочадцами, хранить врачебную тайну и почему-то не удалять камни из почек.

– Ты еще одно условие забыла – нужно содержать врача и его потомков, которые тебя научили докторскому искусству.

Мила вздохнула.

– Больные не виноваты, Руслан. Они знают, что застрахованы, а по телевизору им каждый день рассказывают, сколько денег уходит на медицину. Но что эти деньги уходят кому угодно, только не врачам, им не рассказывают.

– Да не о больных я, а о руководстве нашем! Про клятву звонят на каждом шагу, а вот на летальных комиссиях Гиппократ им не указ. Хотя надо бы и другие его слова помнить. «Жизнь коротка, наука и искусство бесконечны, случаи скоротечны, опыт обманчив, правильное суждение сложно», – с чувством произнес Руслан, сделал бутерброд с колбасой и протянул его Миле. – А я вот выполняю завет Гиппократ – кормлю своего учителя.

Посидели.

– Как у тебя, все по-прежнему? – тихо спросила Мила.

Она знала ответ, просто вдруг Руслану захочется выговориться?

Но он только кивнул.

– А у тебя? Аристократия по-прежнему угнетает рабочий класс?

Она тоже кивнула.

– А Женя как?

– Нормально. Учится на отлично, нашла работу в книжном магазине.

– Рад за нее.

Два года назад Женя устроилась в клинику санитаркой, но работа была ей не под силу. А самым тяжелым для нее оказалось общение с другими санитарками. Женя терпела, но у Милы сердце кровью обливалось, когда она видела, как грубые тетки помыкают ее чудесной книжной девочкой, не чураясь соленых словечек, а то и мата. И она настояла, чтобы Женя перешла в сетевое кафе, где работали в основном студенты.

– Привет ей передавай.

– Может быть, не стоит? – мягко возразила Мила. – Она ведь до сих пор влюблена в тебя...

Он задумчиво покачал головой:

– Не в меня... В своих книжных героев. Да, не стоит передавать. Я ведь, как-никак, женат.

* * *

Женя никому не рассказала о визите хозяина магазина. Он не спросил ее имени и не представился сам, но все же в ее бедной событиями жизни это было настоящее приключение, причем даже с романтической окраской. Человек книжный и мечтательница, тем не менее она понимала, что интерес его к ней был мимолетным, однако фантазировать ей никто не запрещал! И Женя мечтала: он, одинокий, разочарованный и печальный, как демон, навещает ее в магазине, они делятся впечатлениями о прочитанном, советуют друг другу новые книги. И за литературными беседами исподволь, осторожно открываются друг другу, между ними возникает доверие... И строгая, скупая дружба. Пусть даже они никогда не будут видеться вне стен книжного магазина...

Женя хихикнула, представив себя старушкой в букольниках и с камеей за этим же самым прилавком. И старичка-работодателя: в одной руке тросточка, в другой букетик: «Вы удивительный человек, Евгения! Беседы с вами сделали мою жизнь ярче!»

Ну и глупости приходят в голову! Жизнь и литература – совсем разные вещи. И то, что случается в романах, никогда не происходит в реальности. Поэтому ей нравится мечтать и не хочется спускаться на землю. Хорошо, что она умеет из своих фантазий сплести кокон, в котором можно прятаться от мира.

Мила ее жалеет, хочет принарядить, но Жене это не нужно. Ей нравятся старинные наряды Натальи Павловны, нравится перебирать вместе с нею ее запасы. Эти вещи – будто тени мечты. И в них Женя становится ближе к тому иллюзорному миру, в котором хочется жить.

Потому что в реальности бывает слишком больно. И слишком страшно.

Он появился в магазине через несколько дней, перед закрытием. Увидев его, Женя почувствовала, что опять краснеет, но поздоровалась просто и вежливо. И улыбнулась.

– Я прочел все книги, которые вы мне продали, и получил удовольствие, – объявил он. – Причем большее, чем ожидал.

«Так быть не должно, – подумала Женя. – Реальность и фантазии не могут пересекаться. А столкновение параллельных миров грозит катастрофой».

– Приятно слышать, – пробормотала она.

– И теперь я пришел за новой порцией. Как и обещал.

Но ведь это абсурдно – покупать книги у себя самого! А полагаться в их выборе на постороннего человека, пусть и продавца, еще глупее. Конечно, вслух она этого не произнесла.

Женя смутно чувствовала, что хозяин магазина забавляется, играет с ней в какую-то непонятную игру. Это было неприятно, а то, что условия этой игры совпали с ее собственными мечтами – пугало.

Сегодня он показался ей еще интереснее, чем при прошлой встрече. Как ни мало Женя разбиралась в моде, все же смогла определить, что вещи на нем дорогие, но старые. Куртка на локтях вытерлась до белизны, да и сумка знавала лучшие времена. Яркая иллюстрация к упадку книжного бизнеса, усмехнулась Женя про себя. Но признаки неудачи в делах странным образом еще больше расположили Женю к этому человеку.

– Я жду новую порцию, – нетерпеливо напомнил он. – И чтоб не хуже прежней, пожалуйста.

Она покачала головой:

– Не стоит приписывать мне особой проницательности. Все, что вы купили в прошлый раз, общепризнанные шедевры.

– Я знаю. Но «Графа Монте-Кристо» без вас я бы точно не стал перечитывать. А ведь он совпал с моим настроением.

– Вы не похожи на человека, размышляющего над идеями мести, – расхрабрилась Женя.

Он улыбнулся, кажется, первый раз на ее памяти. Морщины на его смугловатом лице стали отчетливее.

– Да, верно. Кто-то сказал, что месть – это блюдо, которое подают холодным. И возможно, чаще им травится сам повар, а не тот, для кого оно приготовлено. Вот все, что я знаю о мести. Но книга совсем о другом. Вы так не думаете?

Вне стен университета такой вопрос ей задали впервые.

– Я согласна с вами, – Женя даже приосанилась. – Месть не достойна того, чтобы ей посвящали целый роман. Недаром же Дюма теряет интерес к своему разбогатевшему персонажу. Из яркого положительного героя он превращается в орудие, в инструмент, с помощью которого автор выражает основную мысль: если человек позволяет себе делать зло ближнему, рано или поздно он сделает зло самому себе. Зависть, жадность и злоба в конце концов всегда оборачиваются против своего носителя. Если бы не считалось кощунственным сравнивать Дюма и Толстого, я бы вспомнила эпиграф к «Анне Карениной».

– Мне отмщение и аз воздам, – процитировал работодатель и усмехнулся. – Мы такие разговоры с вами ведем, а я даже не знаю, как вас зовут.

– Евгения, – сказала она и тут же отругала себя за излишнюю помпезность.

Сказала бы – Женя, да и все. Она же продавец, а не императрица!

– Константин Долгосабуров, – он слегка наклонил голову.

И от этого почтительного жеста, пусть и немного насмешливого, Женя внезапно почувствовала себя не продавщицей, счастливо избежавшей увольнения, а, как и прежде, хозяйкой сказочного мира!

И уже в этой роли она продолжила беседу с человеком, странную фамилию которого от волнения сразу забыла:

– А что вы скажете о финале романа? Как вы считаете, почему граф Монте-Кристо не женился на Мерседес?

– Это мужской шовинизм. – Константин опять улыбнулся. – Она ведь уже была старушкой, по тогдашним меркам. Пока в литературе господствовали мужчины, героини всегда были юные красавицы. Зато теперь, при засилье женщин-писательниц, все наоборот.

Женя энергично покачала головой:

– Позвольте с вами не согласиться! А как же крошка Доррит у Диккенса? Она не блистала красотой. Или княжна Марья у Толстого? Вот, кстати, Толстого и возьмите! – Она сняла со стеллажа «Войну и мир», взглянула на довольно вульгарную обложку и быстро заменила книгу другим изданием.

– Спасибо, нет. Недавно перечитывал. И «Каренину» тоже. Давайте лучше вашу крошку. Женя сразу нашла нужный том. Ей было приятно, что он видит, как хорошо она ориентируется в магазине.

Задумчиво полистав книгу, Константин достал бумажник и неожиданно спросил:

– Проводить вас домой?

– Спасибо, меня встречает Михаил Васильевич.

– Звучит загадочно. Кто это?

Чтобы объяснить степень ее родства с Михаилом, нужно было рассказать всю историю ее жизни. Вряд ли она ему интересна.

– Мой дядя, – ответила Женя. – Мы живем недалеко, и он совмещает мою охрану с вечерней прогулкой.

– А он может завтра погулять без вас?

Подумав, Женя сказала, что, наверное, может.

– Тогда до завтра. – Константин пошел было к выходу, но обернулся. – И знаете что? Давайте сходим на каток. Вы умеете кататься?

Крытый каток считался достопримечательностью торгового центра, в котором располагался магазин, Жене давно хотелось там побывать.

– Умею немного. Но каток закрывается одновременно с магазином...

– Я попрошу, чтобы завтра они поработали подольше.

– Вы думаете, они согласятся?

– Надеюсь, – сказал он и ушел, оставив Женю в удивлении, предвкушении... И бог знает в чем еще!

Он сказал, что недавно перечитывал «Анну Каренину», вдруг вспомнила она. Может, поэтому и пригласил ее на каток? И они будут кататься, как Кити с Левиным?..

Глава 3

Мила привела Руслана в реанимацию, где их поджидала небольшая толпа во главе с ответственным дежурным. Терапевты, клинические ординаторы, студенты – все ждали его решения, правильного диагноза, который он извлечет быстро, неожиданно и непринужденно, как фокусник – кролика из шляпы.

– Добрый день, добрый день! – улыбался Волчеткин, обмениваясь с докторами рукопожатиями. – Хотите, чтобы я сказал, что острой хирургической патологии нет и можно деда не трогать?

– Да, клиника стертая, – сказал ответственный дежурный.

Этот парень звезд с неба не хватал, но нравился Миле своей расторопностью и добросовестностью. С ним всегда было спокойно дежурить.

– Ах, обмануть меня не трудно, я сам обманываться рад. – Руслан взял в руки тоненькую историю. – Сейчас разберемся с этим загадочным дедом.

«Все же это врожденное – умение держаться с людьми, – рассеянно думала Мила. – Как бы и по-дружески, и по-свойски, но всегда сохраняя дистанцию, так, что все воспринимают его именно как начальника, а особо впечатлительные – и как высшее существо. А вот я сразу становлюсь всем закадычной подружкой, с которой можно не считаться. Но если я приму начальственный тон, это тоже не поможет. Сочтут истеричкой и станут вовсе игнорировать».

Сквозь стеклянную перегородку она наблюдала, как Руслан осматривает деда. Он всегда был внимателен и доброжелателен с больными, независимо от того, мог ли с них что-то получить.

Дед, несмотря на жестокие боли в животе, держался мужественно, находил в себе силы не только четко отвечать на вопросы, но и улыбаться профессору. И Миле остро захотелось, чтобы он поправился, чтобы они сумели ему помочь...

– Слава богу, явился днем, – заметил ответственный, радуясь, что есть на кого переложить свою ответственность, – а не в три часа ночи, как это обычно делается.

Мила кивнула:

– Да, обычно они неделю сидят дома, надеясь на чудо, и только среди ночи до них доходит, что чуда не произойдет и надо принимать срочные меры по спасению собственной жизни.

– Не понимая при этом, – подхватил ответственный, – что кое-какие чудеса на свете все же происходят, и ровно в полночь голова дежурного врача превращается в тыкву.

Мила собиралась развить тему подлых старушек, которые нарочно являются в три часа ночи. В это время шансов прорваться в больницу у них неизмеримо больше, ибо доктору проще за десять минут оформить историю, чем до утра доказывать, что в госпитализации они не нуждаются. Но тут от больного вышел Руслан.

– У меня представление сложилось, – сказал он, занимая председательское место в ординаторской. – Можно было бы устроить показательный разбор, но время дорого, не стоит тратить его на разглагольствования, верно?

Все закивали, студенты – особенно оживленно. В свои годы учебы Мила тоже ненавидела бесконечную тягомотину, называемую профессорским разбором больных.

– Запишите мой обход, диагноз – мезентериальный тромбоз³, и готовьте больного к операции.

– Вы уверены? – спросил один из докторов.

– Насколько врачу вообще можно быть уверенным. Если бы вы внимательно относились к сбору анамнеза и клиническому осмотру, вы разделяли бы мое мнение. Студенты, говоря спе-

---

³ Тяжелое состояние, встречающееся у людей с сердечно-сосудистыми заболеваниями.

циально для вас, запомните: клиника – это все. Особенно в экстренной хирургии. Мы слишком многое передоверяем инструментальным методам диагностики, а все многообразие симптомов пытаемся впихнуть в стандарты, будто готовим фигурное печенье – формочкой вырезаем из теста фигурку, остальное долой. Больной предъявил одну ключевую жалобу, от которой вы отмахнулись, даже не записав ее в историю. Он отметил, что стул у него какого-то странного цвета. Уж не из-за пропотевания ли крови в просвет кишки?

Все снова закивали, а Мила вздохнула. Руслан останется оперировать, значит, придется остаться и ей, несмотря на то, что рабочий день окончился.

Как только Волчеткин встал из-за стола, все молодые доктора немедленно исчезли. Они остались вдвоем с ответственным, да реаниматолог.

– Хотите, Руслан Романович, я вам в помощь доцента Побегалова пришлю? Он сегодня дежурит, – предложил ответственный.

Руслан отмахнулся:

– Да ну его! Он же безрукий, как Венера Милосская! Мы с Милой прекрасно вдвоем справимся.

Маска непризнанного гения прилипла к доценту Побегалову, наверное, с детства. Во всяком случае, когда Мила пришла на кафедру, он был еще совсем молодым сотрудником, но уже тогда скорбел, что мир слишком примитивен для такого совершенства, как он.

Репутацию интеллектуала он снискал в основном тем, что отчетливо произносил два «л» в этом слове, да еще цитированием некоторого количества научных статей. Впрочем, впечатление он производил только на свежего человека, коллеги же вскоре поняли, что мозг его подобен скорее грампластинке, чем флешке: можно бесконечно проигрывать имеющуюся там информацию, но записать новую – нельзя.

В рамках своей гениальности Побегалов любил глумиться над ординаторами, уличая их в незнании таких важнейших для практической работы фактов, как то, что Керниг, например, был акушером, Монастырского звали Нестором Дмитриевичем, а шестой сегмент легкого называется иначе долей Нельсона.

Руслана, как парня яркого, он невзлюбил особо, и придирался к каждой букве, написанной тем в истории или научной статье, поэтому теперь профессор Волчеткин иногда позволял себе высказаться в его адрес, хотя к заглазной хуле был не склонен.

С привычной обидой Мила подумала, что она предлагала сама проконсультировать больного, не привлекая Руслана, но ответственный даже не стал ее слушать. И Побегалов в помощь предложил только потому, что считает ее откровенно слабой. Все, что она говорит, проходит мимо ушей коллег, ведь ясно, что ничего умного она не скажет. И оперирует плохо, она же женщина. Возможно, будь она красавицей, или хотя бы интересно уродливой дамой с ультракороткой стрижкой и декадентским мундштуком в зубах, ее воспринимали бы всерьез, но слушать обычную сдобную тетеньку... Просто смешно!

Диагноз мезентериального тромбоза, разумеется, подтвердился, пришлось делать резекцию кишки, и домой Мила попала только в восьмом часу вечера. Уже в прихожей она поняла, что можно было не спешить. Старший Внук сидел за пианино. Студент первого курса консерватории, он проявлял если не талант, то удивительное упорство, по сто раз повторяя трудные места, и эта настойчивость отчасти примиряла Милу с затратами на его учебу.

Мила всю свою взрослую жизнь провела в маленькой хрущевке, в которой свила уютное гнездышко, и переезд в эту просторную, но неорганизованную квартиру дался ей нелегко. После свадьбы они с мужем, как водится, затеяли ремонт, но Наталья Павловна не разрешила больших переделок, не позволила расстаться ни со старыми дверями, покрашенными белой больничной краской, ни с сучковатым паркетом, ни с множеством бесполезного, но милого ее

сердцу хлама. Поэтому Мила никак не могла почувствовать себя здесь дома, тем более что в огромной квартире ей почему-то вечно не находилось места...

Вот и сейчас Миша занимается в их комнате с Младшим Внуком. Ведь в гостиной читает Наталья Павловна, а спальня у нее для того, чтобы спать!

Мила немного послушала Мишины объяснения, такие четкие и логичные, что даже ей, полному математическому профану, стало кое-что ясно. Какой великолепный педагог мог бы получиться из мужа! Он в полной мере обладал самым необходимым для этой профессии качеством – неистощимым терпением. И не будь у Миши этого терпения, Младшему Внуку несдобровать! Мила, по крайней мере, давно бы выпорола его.

– Смотри, я выкалываю две точки на этой гиперболе. Зачем? – Миша склонился над учеником неумолимо, как рок.

– А это чтобы гипербола дышала. – Огромные глаза казались бездонными озерами честности и наивности на этой плутовской рожице.

Мила засмеялась. Считая Младшего Внука невероятно наглым подростком, она не сопротивлялась обаянию этой наглости.

– Здравствуй, дорогая! – приказав ребенку сидеть и думать, Миша обнял ее и расцеловал. – Как прошла операция?

– Сам понимаешь, об успехе можно будет говорить только дней через десять.

Она так ясно читала мысли мужа, будто они действительно были написаны у него на лбу. Он знает, как она устала, и хочет дать ей отдохнуть, но заниматься с ребенком необходимо, а выгонять Наталью Павловну из гостиной невозможно...

– Я попою чайку на кухне, – сжалась она, – а вы продолжайте.

В кухне Мила привычно расстроилась. Муж у нее из тех людей, которые, будучи посланы за хлебом, скупают полмагазина. На буфете – килограмм шоколадных конфет, нечего сомневаться, что Внуки уплетут их за вечер. А это, на минуточку, четыреста рублей из бюджета. В холодильнике колбаса, ветчина, оливки... Подобный набор бывал у Милы в доме только по праздникам. Естественно, все наедятся гастрономии, а приготовленный ею обед отправится в унитаз! Миша с Натальей Павловной страшные привереды, трехдневный суп с котлетами есть ни за что не будут.

– И все вы любите вк-у-у-у-сненькое!.. м-я-я-я-генькое!.. с м-а-а-аслицем! – беззвучно кривлялась Мила, для конспирации засунув голову в холодильник. – Аристократы хреновы! Так и рождаются революции, между прочим!

Ого, а это что за коробочка? Запредельно дорогой сыр. Мила присвистнула. С их доходами покупать такой – все равно что сантехнику дяде Васе похмеляться духами «Шанель № 5».

Сыр, конечно, для Натальи Павловны. Одна из многих «единственных маленьких слабостей» аскетичной и самоотверженной женщины. Или нет, кажется, это «потребность». Да, точно, на днях она провозгласила: «У меня появилась какая-то потребность в сыре».

Вот Миша и расстарался. От каждого по способностям, каждому по потребностям! – Ленин мог бы утешиться, узнав, что коммунизм построен хотя бы для одной, отдельно взятой старухи.

Укорив себя за злобные мысли, Мила размешала сахар и задумалась.

Наталья Павловна совсем не похожа на старуху. Да и слова такого не было в Милином лексиконе. Пожилых женщин она классифицировала как старушек, бабулек и бабок.

А вот Наталью Павловну мысленно всегда называет старухой. Неужели она в глубине души ненавидит ее?

Почти до сорока лет Мила проживала обыденную в своей трагичности и трагичную в своей обыденности судьбу матери-одиночки.

Ей пришлось повторить путь многих и многих женщин так же, как многие и многие в будущем повторят ее судьбу. Раннее замужество, ребенок, изумление мужа, вдруг обнаружившего, что все всерьез и надо нести ответственность. После прозрения муж не стал мешкать и с проворством ящерицы от этой ответственности ускользнул, как тысячи и тысячи других молодых мужей.

Чтобы не чувствовать себя дезертиром, он внушил Миле, что это она «не справляется», «создает невыносимую обстановку», а сам-то он прекрасный муж. И этот прекрасный муж сбежал, оставив сына полностью на попечение ни к чему не годной Милы.

И она стала выживать, без помощи и поддержки, но с горьким чувством, будто сама проворонила свое счастье.

Родители тяжело переживали ее развод, она стала для них дочкой «с брачком», и мать совсем забросила ее, прильнув к старшей дочери, у которой все было правильно. Мила даже услышала от матери: «Я у тебя этого ребенка не просила!»

От полного разрыва с родителями Милу спасло только то, что она жила отдельно, в квартире покойной бабушки.

Все время опаздывая, недосыпая, бегом, удалось окончить институт и поступить в аспирантуру. Тут Миле помогла мать нынешнего профессора Волчеткина, Анна Спиридоновна. Она, профессор кафедры эндокринологии, благоволила студентке-медсестре, а от ее сыночка была просто в восторге. Иногда возникают между людьми необъяснимые привязанности, почти такие же крепкие, как родственные узы. Такая вот взаимная симпатия проявилась у элегантной ученой дамы и буйного детсадовца Кольки. Ребенок проводил в мединституте больше времени, чем некоторые студенты, и при случае Анна Спиридоновна забирала его к себе в кабинет пить чай. Колька степенно усаживался за стол, оглушительно дул в чашку, потом прихлебывал из нее, болтая ногами и с интересом разглядывая таблицы на стенах. При этом странная пара едва обменивалась десятком слов, но такое времяпрепровождение обоим нравилось.

Колька оказался чрезвычайно одаренным ребенком. Победитель нескольких международных олимпиад, после школы он получил приглашение в Сорбонну и грант для оплаты учебы и проживания.

Мила отпустила его и осталась совсем одна.

Нельзя было сказать, что она полностью посвятила себя сыну и отреклась ради него от женской жизни. Она училась, много работала, чтобы достойно содержать ребенка, и всегда находила время заниматься с ним, однако не переставала надеяться на встречу с, как говорится, хорошим человеком.

Но хороший человек все не попадался на ее пути... Несколько попыток «устроить свою судьбу», в каждой из которых было все меньше любви и все больше отчаяния, оставили на ее сердце грубые рубцы.

На пороге пятого десятка Мила составила крайне нелестное мнение о мужчинах. Если бы у нее попросили дать определение сильному полу, она, пожалуй, сказала бы так: сидящие-на-елках-с-непоцарапанными-попами. Нынешний уклад жизни позволяет им делать все, что пожелается, избегая при этом ответственности.

До отъезда Кольки она надеялась обнаружить исключение в этой еловой чаще. Ведь Руслан Волчеткин не один такой на свете!

А потом, оставшись одна, как-то вдруг махнула на себя рукой, расплылась. Фигура из просто «Рубенс» превратилась в «Рубенс плюс». И Мила примирилась с одиночеством, впустила его в свое сердце и стала готовиться к уютной одинокой старости. Она купила большой плоский телевизор, один махровый халат и один фланелевый с запахом, чтобы не чувствовать растущий животик. Начала серьезно подумывать о том, чтобы завести кошечку, но тут... Как гласит поговорка: мечта сбудется, когда забудется.

К изумлению всех коллег и родственников Мила вышла замуж! Она и сама была больше удивлена, чем счастлива... А теперь иногда думала, что лучше бы завела кошечку.

Слишком устав, чтобы обедать, она мрачно пила чай. Минут через десять к ней присоединился муж. Нежно погладил по голове, разогрел котлету, нарезал помидор. Но злость ее от этого не утихла. Если бездельничаешь на должности больничного санврача, конечно, остаются силы приласкать жену, которая пашет на полторы ставки, чтобы содержать все твое ненасытное семейство!

Самое противное, что приходится изображать радостную улыбку, а негодованием по поводу роскошного Мишиного шопинга делиться лишь с холодильником. Ну почему жизнь так несправедлива? Если жена живет на средства мужа, он вполне может ее этим попрекнуть, а если наоборот...

В коридоре раздались легкие шаги, и на пороге кухни появилась Наталья Павловна:

– Миша, а почему ты дома?

– А где же мне быть?

– В это время ты должен встречать Женю с работы.

– Не волнуйся. Сегодня ее проводит хозяин магазина.

– Что? – воздух вокруг Натальи Павловны немедленно сгустился. – Да как ты позволил?

– Мама, я не думаю, что надо так ставить вопрос.

– Хорошо. Отложим разговор до ее возвращения. – Ледяной взгляд и поджатые губы не сулили ни Жене, ни кому-либо еще в этом доме ничего хорошего.

Женя вернулась в одиннадцатом часу, веселая и румяная. Раньше Мила никогда не видела ее такой оживленной. Как жаль, что Наталья Павловна сейчас заморозит эту радость! Но остановить свекровь у Милы не хватило духу, и Женя была препровождена в гостиную.

– Евгения, я ни в чем тебя не виню, – важно сообщила старуха. – Это произошло только благодаря беспечности Михаила Васильевича, который забыл о том, как ты молода и неопытна и сколько глупостей можешь из-за этого наделать, – вытянутой вперед ладошкой она остановила готовую возразить Женю. – Из самых лучших побуждений, безусловно, но все мы знаем, чем вымощена дорога в ад.

– Наталья Павловна, поверьте...

– Я тебе верю, девочка. Михаил Васильевич, как глава нашей семьи, не должен был позволять незнакомому мужчине оставаться наедине с тобой.

– Он не знакомый, – добродушно заметил Михаил. – Это хозяин книжной лавки, в которой Женя работает.

Последовавший взгляд старухи можно было смело назвать негодующим.

– Когда я говорю незнакомый, я подразумеваю: не представленный нашей семье, Михаил! А то, что ты попустительствуешь тайным отношениям Жени с ее работодателем – просто вопиющий факт! Вопиющий!

Чтобы не хихикнуть, Миле пришлось изо всех сил напрячь мышцы рта. Женя тоже потупилась слишком уж смущенно. Но Наталья Павловна продолжала вещать, не сомневаясь, что ее слова принимаются всерьез:

– Я могла бы, сделав скидку на нынешнюю простоту нравов, посмотреть сквозь пальцы на ухаживания твоего однокурсника, но принимать знаки внимания от хозяина крайне опасно! Он может подумать, что за те деньги, что он тебе платит, ты должна не только продавать книги. Извини, что касаюсь этой темы, но ты должна быть очень осторожна, а мы, в свою очередь, обязаны показать ему, что ты не беспризорница! Он, как и любой другой мужчина, должен твердо знать, что ты достойно воспитана в достойной семье, и обращаться с тобой соответствующим образом.

Можно подумать, старуха действительно волнуется за Женю. Как бы не так! Человек, разыгрывающий трагедию на пустом месте, никогда не бывает искренним. Просто она упивается ролью благородной дамы в борьбе за нравственность.

В этом спектакле Женя – не предмет заботы, а статистка.

Миле приходилось общаться с разными людьми, но таких закоренелых эгоисток она встречала только среди поколения Натальи Павловны. Это могли быть самые разные женщины, и Благородные Дамы, как Наталья Павловна, и Партийные Мадонны (переквалифицировавшиеся большей частью в религиозных фанатичек, так сильна в них страсть поучать и командовать), и Обычные Советские Женщины, которые «я и лошадь, я и бык, я и баба и мужик». Всех их объединяло одно – эгоизм, причем эгоизм особый, искусно рядящийся в одежды самоотречения и тем самым способный обмануть даже свою хозяйку.

Наталья Павловна была еще не худшей разновидностью, больше всего Милу бесили Советские Женщины, тянущие и работу, и никчемного мужа, и великовозрастных деток. В их домах всегда царит мрачная и торжественная обстановка жертвоприношения, хотя, если разобраться, и работа не особенно трудная, и муж не никчемный, и дети вполне самостоятельные, только изображают из себя младенцев в угоду мамаше. Ведь мамаше нужен перманентный подвиг и героизм, а где его взять, если не мучить родню?

Ни в одной другой возрастной группе Мила подобных душевных свойств не встречала, хотя, конечно, и среди ровесниц Натальи Павловны было много хороших женщин.

– Ты приняла от него коньки? – Пока Мила отвлеклась, старуха выпытала из Жени все подробности свидания. – Боже мой, как ты могла?

– Мама, в кафе они бы те же самые коньки и проели, – вступился за Женю Михаил. – Ты слишком строга, сейчас никто не представляется семье на такой ранней стадии знакомства.

Наталья Павловна сложила губы кошелечком.

– Я не знаю, что сейчас, – внушительно произнесла она, – и знать не хочу. В своем доме я живу по тем правилам, которые мне внушили в детстве, и не собираюсь от них отступать. И пока Евгения находится на моем попечении, она должна следовать тем же правилам.

Пафосная речь затуманила сознание Милы, и ей не пришло в голову простое возражение, что Женя тоже живет в своем доме.

– Сколько стоили коньки? – продолжался допрос.

– Восемьсот рублей, – призналась Женя.

– Хорошо. – Наталья Павловна отлучилась на минуту, чтобы вернуться с названной суммой. – Вот деньги, вернешь своему поклоннику. Скажешь, что подобными покупками он оскорбляет твоих родных. Которым должен представиться в самое ближайшее время, если хочет и дальше встречаться с тобой. Договорились?

Женя кивнула.

– Теперь ты, Михаил! Ты будешь встречать Женю из магазина, пока мы не познакомимся с молодым человеком. Если ты опасешься, что не сможешь поставить его на место, я буду ходить вместе с тобой.

– Я справлюсь, мама.

– Надеюсь. Женя, улыбнись, пожалуйста, и не считай себя принцессой в плену у дракона, – усмехнулась Наталья Павловна. – Поверь мне, если молодой человек боится представляться семье девушки, значит, намерения у него дурные и его бегству можно только радоваться.

С этими словами старуха величаво покинула комнату.

Женя уткнулась носом в подушку и натянула на голову одеяло. Перед тем как заснуть, она всегда вспоминала любимые книги, перед ее глазами проносились яркие, как в кино, сцены

из романов, а иногда она додумывала судьбу главных героев, представляла, что могло бы случиться с ними дальше.

Но сегодня ей было о чем поразмышлять и без любимых персонажей. Вечер на катке очень понравился ей, но, кажется, Наталья Павловна волнуется напрасно.

Они просто катались, совсем не как Кити с Левиным. Женя осторожно передвигалась от бортика к бортику, а Константин носился в отдалении с клюшкой, отрабатывая какие-то спортивные приемы. Он сразу сказал ей, что иногда играет в хоккей с такими же любителями. У него были свои коньки, а Женя хотела взять напрокат, но он настоял на покупке, сказал: еще пригодятся.

Потом он проводил Женю до дома, они шли с коньками, перекинутыми через плечо, и разговаривали – о книгах, фильмах и даже о хоккее. Жене было интересно, тепло и спокойно. Так хорошо, что ни о какой любви думать не хотелось.

Константин-то об этом точно не думает! Ему с ней забавно, не больше. Как, например, поиграешь в гостях с чужим котенком, а через полчаса забудешь. Но ведь и котенок не станет скучать по тебе.

Прощаясь, он предложил ей покататься вместе еще, и Женя согласилась. Разве могла она представить, что Наталья Павловна ей запретит?

Девушка вздохнула. Дальнейшие события нетрудно предсказать. Она предлагает Константину познакомиться с семьей. Тот думает, что Женя навязчивая девица, сворачивает посещения катка и на всякий случай увольняет ее из магазина. Допустим, она рассказывает ему про Наталью Павловну, пожилую даму, живущую «по правилам» и требующую их соблюдения от Жени. Он посочувствует и все равно прекратит общение, ведь хорошие люди не жалуются на родственников посторонним людям. Можно вообще ничего не говорить, но в каком свете она выставит тогда Михаила Васильевича, который будет встречать ее? А можно вступить с дядей в преступный сговор. Но заставлять его врать тоже не очень-то красиво.

Идея послушаться, дать отпор Наталье Павловне расценивалась Женей как фантастическая. Ее тихая, мягкая натура противилась всяким бунтам, а понимание, что она живет у Натальи Павловны «из милости», усиливало природную покорность. И до сих пор она не давала опекунам поводов к недовольству. А та, надо отдать ей должное, всегда справедливо распределяла домашнюю нагрузку и заботилась о Жене. К тому же обе они, запоем читающие одни и те же книги, часто сходились во мнениях. Женя не курила, до сих пор не пробовала вина и не ходила в ночные клубы не из-за строгих запретов, а потому, что ей не хотелось. Таким образом, до сегодняшнего дня у нее не было повода взбрыкнуть.

Михаил Васильевич тоже жил в ладу с матерью, так как во всем ей уступал. Остальные члены семьи придерживались той же тактики, зная, что при малейших признаках неповиновения Наталья Павловна может так раскалить обстановку, что дышать станет невозможно.

Нет, пожилая дама не скандалила, она просто переставала замечать провинившегося. Вместо приветствия поджимала губы и отворачивалась. А когда семья собиралась за общим столом, всем сразу становилось ясно, как невыносимо страдает Наталья Павловна.

Женя плотнее закуталась в одеяло. Как жаль, что ее приключение закончится так быстро!

И еще одна мысль тревожила ее. Как-то незадолго до смерти Женина мать сказала, что еще в юности испытывала странное чувство, глядя на дом, в котором они теперь живут, хотя раньше, до переезда, ее с этим домом ничто не связывало. Это была не тревога и не симпатия, просто она знала, что этот дом для нее не такой, как другие. «Если бы я верила во всю эту чушь, то считала бы себя экстрасенсом, – говорила мама. – Наверное, это просто обман памяти. Такое же чувство у меня к одному перекрестку на севере города (она назвала адрес), но не представляю, что там может быть для меня важного». Так или иначе, но она всегда знала, кто звонит по телефону, а стоило ей вспомнить какой-нибудь фильм, его тут же показывали по телевизору.

И именно на том северном перекрестке вскоре произошла страшная авария, унесшая жизни мамы и Жениного отчима...

Теперь Женя впервые поняла, о чем говорила мама. Особое чувство. Не страх и не надежда, не любовь и не ненависть. Но она знала, что Константин каким-то важным образом войдет в ее жизнь.

Глава 4

Природа одарила профессора Волчеткина не только прекрасным басом, но и незаурядным даром рассказчика. На его лекции студенты ходили с удовольствием. Артистичность сочеталась у него с естественностью, даже задушевностью, он умел обращаться ко всей аудитории в целом и к каждому слушателю в отдельности.

Мила иногда присутствовала на его лекциях, похожих на моноспектакли, собиралась и сегодня, но позвонила Женя, попросилась зайти, и Мила осталась в отделении.

Женя навещала ее редко, всегда под благовидным предлогом, но Мила понимала, зачем она приходит. Понимала и завидовала самоотверженной и чистой влюбленности девушки.

Какая нужна душа, чтобы радоваться редким случайным встречам, нанизывать их на нитку времени, словно жемчужины, а потом перебирать, как четки...

И Мила когда-то была так влюблена. В седьмом классе школы, абсолютно безнадежно, в круглого отличника из десятого. Они не были знакомы, но это не имело никакого значения. Прошло больше двадцати пяти лет, а она до сих пор помнит, как сжималось и екало сердце, стоило увидеть его. Причем встречи в школе не считались, нужно было увидеть его на улице...

И, странно, эти моменты и сейчас с фотографической точностью встают у нее перед глазами. Иногда так ярко, будто она проваливается на четверть века назад, попадает в узкий серый двор со снежной кашей под ногами и стоит возле трансформаторной будки, в голубых резиновых сапогах, которые немилосердно жмут, а он идет навстречу, размахивая сумкой, и равнодушно скользит по ней взглядом.

Или бесснежный январь, дома облиты темнотой, словно шоколадом. Мила снова в его дворе, делает вид, что гуляет. Она забыла большинство нарядов, которые переносила за всю свою жизнь, а его большую меховую ушанку помнит до последнего волоска!

Никогда больше мир не был таким чудесным, как в тот год! Детская влюбленность словно приоткрыла маленькую, микроскопическую щелочку в небеса, и жизнь Милы будто освещалась их неведомым светом.

Но у нее это прошло с взрослением, а Женя до сих пор живет в сказке.

Женя узнала о тяжелом положении Руслана, когда работала санитаркой. Волчеткин женился в свое время по любви, на очень приятной девушке, и был счастлив. Но через год жена заболела, проявилось наследственное психическое заболевание. Руслан делал все что мог, возил ее к лучшим специалистам, но болезнь прогрессировала.

Насколько Миле было известно, это была какая-то редкая форма шизофрении. Ольга оставалась милой и приветливой, не замыкалась в себе, но вела жизнь пятилетней девочки с куклами и прочим, а Руслана считала товарищем для игр.

Он преданно ухаживал за женой, занимался с ней. О полноценной супружеской жизни не могло быть и речи, но Руслан не оформлял развод и даже не имел связи на стороне. Хотя мог бы присоединить свой голос к стройному хору мужчин, поющих песню «дорогая, моя жена больна, надо только немного подождать», с большим основанием, чем кто-либо другой.

А Женя готова *разделить и пожертвовать*. Если бы Руслан только намекнул... Она бы спала с ним, ухаживала за его женой, а его нежелание развестись только подогревало бы ее чувство: ведь он такой верный!

Ирония состоит в том, что только несчастные забитые девочки, не видевшие в семье любви, способны без сожалений бросить свою жизнь на ее алтарь. От избалованных таких подвигов не дождешься.

Можно углубляться в психологические дебри, но ответ казался Миле простым. Этим девочкам подспудно внушили мысль, что любовь – очень ценный приз, который надо заслу-

жить. А дети из дружной семьи вырастают в убеждении, что любовь повсюду, и жертвовать собой ради нее так же нелепо, как платить за воздух, которым дышишь.

Руслан знал о Жениных чувствах. Работая в клинике, девушка держалась с большим тактом, не навязывалась, но, даже не обладая чувствительной душой, достаточно было посмотреть, как она гладит профессорский халат, чтобы все понять.

Работа была тяжела для хрупкой Жени, общение с другими санитарками почти невыносимо, но она терпела ради Волчеткина.

А хуже всего было то, что она тоже нравилась ему. Все решил новогодний корпоратив, если можно так назвать обычную пьянку в конференц-зале. Мила тогда подарила Жене очень красивое платье, но дело было, конечно, не в нем. И не в помаде, которой девушка слегка тронула губы. И не в том, что она распустила свой пучок, и оказалось, что у нее чудесные волосы...

Просто глаза ее сияли предчувствием чуда, и все смотрели только на нее.

Мила насторожилась, сердце заныло, когда она заметила, с каким выражением лица Руслан подошел к Жене... К счастью, зазвучала противная тягучая песня, которая неизвестно как попала на волну танцевального радио. И Мила увидела, что Руслан сразу расслабился. Как говорится, романтический момент был упущен.

А сразу после праздников Женя уволилась.

В ординаторской было почти пусто, только доктор Спасский, помятый, но спортивный мужичок неопределенных лет, что-то увлеченно писал на доске объявлений. Мила присмотрелась. Под новым перечнем медикаментов, которые больше нельзя назначать обычным больным, Спасский написал: «Доступные методы лечения по ОМС: 1. Лечебное голодание 2. Ури-нотерапия 3. Посещение часовни».

– Мы с Женей попьем чайку, ты не против?

– Я и сам собирался. – Спасский бросил штриховать лавровую веточку и сел за стол. – Только вас, девочки, ждал.

Женя достала из сумочки бутерброды, но не успел Спасский восхититься, зашел ординатор:

– Андрей Петрович, анализы готовы. Можно подавать?

– Анализы, анализы... – простонал Спасский, разрезая Женин бутерброд на интеллигентные канapé. – У меня сегодня за ночь три аппендицита и проникающее ножевое! Менялся дежурствами, вот и доменялся.

– В жизни всегда есть место подвигу, – хмыкнула Мила.

– Да, но лучше от этого места держаться подальше! Думал, после бурной ночи хоть днем не дернут, но нет! Изволь, четвертый аппендюк! Никогда не меняйся дежурствами, Мила, никогда! Ни при каких обстоятельствах. И сама всю смену не присядешь, и тот, с кем поменялась.

– Хочешь, я за тебя схожу? – предложила Мила.

– Спрашиваешь! А мне что для тебя сделать?

– Не знаю... С Женей чайку попей.

– Я хотела спросить... – Женя мягко взяла Милу за локоть. – Позже мы не успеем поговорить. Как быть с Константином? – тихо спросила она.

– С кем? – история с Жениным поклонником уже вылетела у Милы из головы.

– Если он опять позовет меня на каток, что ему сказать?

Девушка выглядела расстроенной. Мила пожалела, что у нее не хватает силы духа прямо заявить Наталье Павловне: не лезьте к людям со своей нафталиновой моралью!

– Ну хочешь, я попрошу Мишу соврать, будто он познакомился с твоим ухажером? Хотя эта за... то есть Наталья Павловна, не успокоится, пока ей его не подадут на блюде и с соло-

минкой в сонной артерии, чтобы она могла высосать у него пару литров крови. Боюсь, тебе придется тащить его домой.

– В чем проблема? – увлеченно жуя, Спасский с интересом прислушивался к разговору. Женя моментально покраснела, но Мила не обратила внимания на ее смущение.

– Странно, знаешь ли, приглашать кавалера знакомиться с родней на втором свидании! – сказала она. – А Наталья Павловна требует.

Спасский был вторым человеком в клинике после Руслана, с кем Мила делилась своими бедами, поэтому он знал о Миловой свекрови намного больше, чем ему хотелось бы знать.

– Да приведи его в дом, успокой старушку! – засмеялся он. – Может, парень и не испугается. Главное, Женя, не оправдывайся.

Мила фыркнула. «Не оправдывайся!» – было жизненным девизом Спасского. Начальники орали на него до хрипоты, сулили выговоры и тюрьму, а ему все было нипочем. Он не снисходил не только до оправданий, но даже до объяснений. От этого и карьеры не сделал, хотя был очень хорошим врачом. На его идеях вырастали прекрасные кандидатские диссертации, а докторская самого Спасского почему-то оказалась недостойна защиты.

– Просто скажи ему, что в твоей семье так принято. А вообще, Наталья Павловна права, пожалуй. Идея здравая.

– Неужели? – ядовито перебила Мила. – Спасский, кто при мне хвалит мою свекровь, тот сам идет оперировать аппендицит.

– Да не хвалю я ее!

Тут позвонили из операционной, Миле пришлось идти. По дороге она размышляла, что их со Спасским судьбы похожи. Оба они – неудачники, причем в самом прямом значении этого слова. Обычно так называют лодырей и недотеп, а ведь оно обозначает всего лишь «нет удачи». Ни интеллектом, ни трудолюбием их бог не обидел, просто чего-то не хватило для успеха. Не оказались в нужное время в нужном месте. Разница между Милой и Спасским была лишь в том, что она тяжело переживала свое карьерное фиаско, а он плевать на него хотел.

Анестезиолог опаздывал, и Мила устроилась на широком подоконнике операционной. Вид в окне был знаком до мелочей: чахлый больничный дворик и забор. На газонах пожухлая трава, сразу и не скажешь, какое время года. Привычное ощущение тоски от этого пейзажа обычно усиливалось к ноябрю, но выпадал первый снег, и становилось веселее.

Мила погрузилась в воспоминания.

Вот она, молодая аспиранточка, остается на первое врачебное дежурство, под присмотром старшего товарища, доцента Побегалова. Пациентке становится плохо. Это онкологическая больная, поэтому доцент сам не идет, отправляет Милу. Она быстро разбирается в ситуации и бежит докладывать: острая надпочечниковая недостаточность!

«Какая чушь!» – И Побегалов раздражается речью о том, что нечего выдумывать диагнозы на ровном месте.

К вечеру больная погибает, а на вскрытии обнаруживается тотальное поражение надпочечников. Доцент мог бы сказать, что Мила высказывала такое предположение, но он надменно молчит. А ей самой неловко хвастаться правильным диагнозом, раз больная умерла...

А вот очередная кафедральная пьянка. Все крепко подшофе, краснолицые, кто-то уже тискает сестричку в углу... Но еще достаточно трезвые для общих тостов. Выпив за маститых, перешли на молодняк, причем с каждой рюмкой тосты становятся все проникновеннее. Одного аспиранта хвалят за гениальную диссертацию, другого называют состоявшимся хирургом, третьего – прекрасным клиницистом (в голосе заведующего слышится пьяная слеза). Мила будто не аспирант. Ее будто нет за столом.

Но тут вбегает медсестра. Больной закровил! И Мила спешит в операционную исправлять чужие огрехи, а состоявшиеся хирурги, прекрасные клиницисты и гениальные ученые продолжают праздновать.

А на следующий день все усердно делают вид, будто кровотечение остановилось само собой. Больной покидает клинику в убеждении, что оперировал его профессор, а с Милой даже не здороваются в коридоре.

Второй год аспирантуры. Мила принимает больного, заводит на него историю. Ставит диагноз: рак поджелудочной железы, планирует обследование для подтверждения диагноза. Откуда ей знать, что пациент лег по договоренности с заведующим кафедрой для удаления желчного пузыря по поводу желчнокаменной болезни. Больного берут на операцию, где Милино предположение подтверждается. Спасский, тогда молодой начальник отделения, берет историю и при всем честном народе показывает профессору Милину запись. Из самых лучших побуждений, мол, посмотрите, какой Мила прекрасный диагност! После этого заведующий больше на нее не смотрит, а со Спасским перестает здороваться и при первом удобном случае переводит его в дежуранты.

Обиды только начни вспоминать, не остановишься!

Спасенные жизни, удачные операции, точные диагнозы, остроумные научные статьи – все это уходило в пустоту... На кафедре Милу не более чем терпели.

Спасский хотя бы заслужил подобное отношение независимостью и резким языком. Эдакий Чацкий от хирургии.

А ее достижения игнорируют просто потому, что она – женщина. Вероятно, с точки зрения усовершенствования человеческого вида это правильно. В мужчине восхищает то, что он делает, а в женщине – только то, как она выглядит.

В институте Милу находили интересной, с изюминкой, но этот волшебный сухофрукт вскоре исчез. Слишком быстро она стала женой и матерью, и еще быстрее – матерью-одиночкой.

Мила оказалась не только одинокой, но и ответственной мамашей, а ответственность – это прежде всего практичная одежда. Брюки круглый год, чтобы сэкономить на колготках. Это несделанные стрижки и полное неведение о работе косметолога. Это шампуни в литровых бутылках, никаких кремов и лосьонов, и лозунг «лучший запах женщины – запах чистого тела».

Три агрегатных состояния существа под названием мать-одиночка: зарабатывание денег, домашние хлопоты и сон. Никаких посиделок с подружками в кафе и саунах, глупых, но удивительно бодрящих, после которых спящая в душе надежда открывает один глаз.

Ответственная мать-одиночка должна выглядеть прилично, но она не может себе позволить восхищать мужчин.

Сказать по правде, Мила отказывалась от всех женских штучек с легким сердцем, без сожалений, радость сына была ей в тысячу раз дороже, чем восторги посторонних мужиков. Но планируя грядущую одинокую старость, она собиралась эти упущения компенсировать.

Проводив Кольку, предвкушала головокружительный шопинг, но, пока предвкушала, вышла замуж.

И ответственность снова накрыла ее с головой...

Как говорит Наталья Павловна, у женщины время для себя либо есть всегда, либо его нет никогда.

* * *

В мусорном ведре Мила заметила осколки нового блюда и страшно расстроилась. Так расстроилась, что даже удивилась – взрослая женщина, а переживает из-за ерунды. Некоторое время назад она увидела в витрине посуду своей мечты. Эта дешевенькая фаянсовая штамповка в точности совпала с идеалом, сложившимся в ее голове. И форма, и цветочки, и сдержанный орнамент – вот ни прибавить, ни убрать! Мила постояла возле витрины, в избытке

чувств едва не прижимаясь носом к стеклу, но сработала многолетняя привычка отказывать себе во всем. Деньги у нее были, да и новая посуда в доме пригодилась бы, но рефлекс победил. А когда на следующий день она победила рефлекс, посуду раскупили.

Найти такую же удалось только через месяц, и тут уж Мила не оплошала! Она купила и тарелки, и чашки, и чайник, и молочник, все-все-все.

И была счастлива целых два дня, пока Внуки не начали посуду бить. Обычная мальчишеская резкость и невнимательность, но Миле казалось, что это специально, ей назло. Любая хозяйка скажет: если разбилось блюдечко из сервиза – считай, разбился весь сервиз.

И Мила не сдержалась, выразила свое горе! Скрамная гражданская панихида над мусорным ведром. Никаких проклятий злоумышленникам. Но Наталья Павловна обдала ее ледяным взглядом и процедила: «Милочка, это всего лишь посуда».

Так что нет смысла сокрушаться над очередным разбитым блюдцем. Утешения не дожدهшься. Как не дожدهшься и того, чтобы виновник проехался в магазин и купил такое же на свои деньги. Аристократизм Натальи Павловны отвергал возмещение материального ущерба. Ибо мещанство.

Интересно, подумала Мила, если сейчас кокнуть фамильный старухин фарфор, запертый в горке, останется ли аргумент «это всего лишь посуда» таким же убедительным?

От размышлений отвлек телефонный звонок. Классная руководительница Младшего Внука, будь они оба неладны!

– Я позову Михаила Васильевича, – не слишком любезно сказала Мила.

– Простите, я хотела бы побеседовать именно с вами.

Ну вот, сейчас ее начнут грузить медицинскими проблемами!

– Слушаю.

– Я хотела бы поговорить с вами о Валере. Дело в том, что он отвратительно учится...

– Не то слово! – оживилась Мила, пролиставшая однажды дневник этого молодого человека. Увиденное произвело на нее впечатление, а обилие красной пасты привело на ум картину Петрова-Водкина «Купание красного коня». – Столько двоек, просто за гранью человеческих возможностей.

– Вот именно! Понимаете, он звезда нашей школы по линии спорта, благодаря ему у нас сейчас очень хорошие позиции. Как правило, мы многого не требуем от таких ребят, ведь тренировки отнимают время. Но ваш Валера очень неглупый парень!

– Спасибо, я знаю.

– Я бы сказала, самый сообразительный ребенок в классе.

– Вот как?

Мила не была знакома с учительницей, но голос показался ей приятным. Почему бы не поболтать, не отвести душу? С трубкой в руке она выскользнула на лестничную клетку.

– Будь он обычный спортивный примитив, мы провели бы его с тройки на четверку, и нет проблем. Но парень просто, как говорят дети, забил на учебу! Учителей в грош не ставит, буквально издевается над нами!

– Ребенок творчески переработал идею своего аристократического происхождения, внушаемую бабушкой, – усмехнулась Мила.

– Сегодня в диктанте была такая фраза: если закончилась радость, ищи, в чем ошибся.

– Толстой, если не ошибаюсь? – на всякий случай продемонстрировала Мила эрудицию.

– Да! И ему бы не понравилось узнать, что ваш ребенок написал: если закончилась радость и ши, запятая, в чем ошибся, вопросительный знак. Ши у него закончились!

Мила хихикнула. Ее редко возмущали детские проделки. Недавно в Интернете пронеслась волна возмущения по поводу невежественной молодежи, которая не знает академика Сахарова. Сыр-бор разгорелся из-за девушек, которые во время молодежного шествия по одному именному проспекту на вопрос корреспондента, а знаете ли вы, кто это такой, засмеялись и

ответили, что академик Сахаров, вероятно, изобрел сахар. Мила знала, кто такой Сахаров, но если бы к ней, восемнадцатилетней, подошел журналист и с глумливой улыбкой задал тот же вопрос, вполне возможно, ответ был бы точно таким же! Ждал глупости – получи глупость.

– А на обществоведении знаете, что он выкинул? Учительница спросила, какие есть два условия для вступления в брак, и ваш ребенок ответил: восемнадцать лет и беременность! Но тут в принципе я готова с ним согласиться, – вдруг перебила сама себя классная.

– А я-то чем могу помочь?

– Понимаете, Михаил Васильевич очень ответственный человек, но слишком уж любит своих племянников. У него все претензии к педагогам: не умеют научить, не могут объяснить...

– Совершенно с вами согласна! – Мила бросила осторожный взгляд на дверь. – Детей забаловали до невозможности! Хорошо хоть, старший серьезно увлечен музыкой, а то был бы такой же обормот. Ах, дети остались без родителей, несчастные крошки! Результат вы видите.

– А вы могли бы...

– Нет, не могла бы! – перебила Мила. – Не могла! Меня в этом доме никто не спрашивает! А у меня, между прочим, позитивный опыт воспитания, тьфу-тьфу-тьфу! Мой сын учится в Сорбонне, сам себя кормит, мать не забывает. Думаете, они меня хоть раз спросили, как мне это удалось? Черта с два! Я плебейка, достойная только кормить этих царственных детей да обслуживать! Я даже замечание сделать не могу, сразу вылетает бабка: ах, Милочка, мы сами разберемся.

– А я думала, вы можете повлиять... – протянула учительница. – Ведь судьба ребенка решается. Если он в ближайшее время не возьмется за ум, с перспективой высшего образования придется проститься.

– Ничего. Будет учиться платно. У меня нет права голоса, зато я хорошо зарабатываю, – с горечью сказала Мила. – Пока я жива, ребенок может делать что ему вздумается.

– Но он нас замучил своими выходками! А он ведь мальчик яркий, харизматичный, дети пытаются ему подражать...

– Знаете что? – обозлилась Мила. – Не можете справиться – выгоните его из школы.

– Ну что вы, как это...

– Так. Исключите. И другим детям поучительный пример.

Положив трубку, Мила подумала, что, наверное, лучше относилась бы к Внукам, если бы участвовала в их воспитании. И если бы на их содержание не уходила львиная доля ее зарплаты. Ну, или пусть бы даже уходила, но ее хотя бы спрашивали. Или благодарили бы, что ли...

Для Натальи Павловны семейный бюджет был делом слишком низким, чтобы его обсуждать. Спорить, тем более ссориться из-за денег так неловко, так неинтеллигентно! А интеллигентность достигается открытым доступом к Милиной полочке. Действительно, зачем портить себе и другим нервы, когда можно просто запустить руку в коробочку и достать сколько нужно?

Михаил часто повторял, что они живут ради детей, поэтому в первую очередь должны все делать для детей. Под детьми он подразумевал и Кольку: раз поженились, то потомство общее. Но Кольке из «общака» доставались только пафосные восклицания, а Внукам – все остальное.

Только и слышно: Вове нужно то, а Валере – это. Но почему за Милин счет? Хотите побаловать детей новыми телефонами – затяните пояса потуже, откажитесь от любимого сыра и шоколада, прекратите гонять элитные чаи, и через месяц-другой телефон у вас в кармане!

Я не против любви к детям, но разве я обязана выступать в роли спонсора этой любви?

Увы, Мила понимала, что у нее никогда не хватит духу обратиться к мужу и свекрови с этой справедливой речью...

Свекровь, легка на помине, встретила ее в прихожей неодобрительным взглядом:

– Милочка, хочу напомнить, что вечером Женя приведет своего поклонника. Следует принять его достойно.

Тебе следует, ты и принимай, подумала Мила желчно. Но поплелась в гостиную, наводить лоск. До последнего момента она не верила, что этот поклонник придет.

Но он явился.

Мужу было лет сорок, Женя годилась ему в дочери. Она стеснялась, чувствовала себя смущенно и неловко, зато ему все было нипочем.

Наталья Павловна выплыла в прихожую, он щелкнул каблуками и представился:

– Долгосабуров Константин Федорович. Ваше приглашение для меня большая честь.

Не заметив хорошо скрытой усмешки, старуха милостиво кивнула и улыбнулась своим фирменным оскалом.

Миле, с ее чутьем взрослой опытной женщины, гость не понравился.

Матерый волк, темная душа. Интересная внешность. К таким женщин тянет как магнитом. Особенно чистых и наивных дурочек вроде Жени. Как там поет «Дискоoteca авария»? Женщины любят подонков, лишь они оставляют здоровых потомков. Мила и сама в свое время не избежала этой участи, но они с Колькиным отцом хотя бы были ровесниками!

Михаил обменялся с гостем рукопожатием. Милин муж прост, как пряник, весь как на ладони. В такого ни одна женщина не влюбится. Зато со спокойной душой оставит на его попечение свою дочь.

– Прошу в гостиную, – торжественно произнесла Наталья Павловна.

Гость поправил перед зеркалом непослушный вихор и последовал за ней.

Мила с Женей быстро накрыли на стол, все уселись, и старуха принялась разливать чай, придерживая крышечку аристократической рукой с крупными кольцами. Ей сразу удалось создать за столом атмосферу морозной вежливости, и Женя окончательно поникла. Гость, единственный из всех, чувствовал себя непринужденно.

Не дожидаясь расспросов, он рассказал о себе – ровно столько, сколько приличествует при первом знакомстве. Бизнесмен, одинок, родители умерли. Врет насчет одиночества? – подумала Мила.

Наталья Павловна начала разговор о погоде. Как в лучших домах Лондона. Гость поддержал, потом похвалил стоявший в горке сервиз Натальи Павловны. В улыбках старухи поубавилось леденящей жути.

– Женечка, будь добра, завари еще чаю, – Наталья Павловна многозначительно кивнула девушке. – И приготовь еще бутербродов, пожалуйста.

Когда Женя вышла, старуха выпрямилась на стуле:

– Что ж, Константин Федорович, я рада знакомству с вами. Вы произвели на меня хорошее впечатление. Но вы – человек взрослый. Поймите меня правильно. Слишком взрослый для моей воспитанницы.

– Простите, Наталья Павловна, но это я изменить не в силах.

– Вот именно. И с высоты своих лет вы должны понимать, что ни один родитель в здравом уме не позволит своей юной дочери встречаться с человеком вдвое ее старше.

Мила с мужем переглянулись.

– Наталья Павловна, – мягко возразил Константин, – я пришел в ваш дом. Пью вот чай вместе с вами. Неужели вы думаете, что после этого я собираюсь обидеть вашу внучку?

– Константин Федорович, у меня за плечами долгая жизнь. Вы тоже человек опытный. И я больше не буду ничего вам объяснять.

– Но...

– Потому что полагаю дальнейшие обсуждения бессмысленными! – объявила Наталья Павловна. – Вам я ничего запретить, увы, не могу, но Жене прикажу больше не встречаться с вами.

– А как же работа?

– Простите? – Старуха вздернула бровь.

– Женя работает в магазине, собственником которого я являюсь. Нам с нею придется видаться.

– А это уже вопрос вашей порядочности. Если вы не сможете держаться в деловых рамках, Женя вынуждена будет уволиться. Прошу вас, не будем спорить. Сейчас девочка вернется, мы выпьем еще чаю и расстанемся. Договорились?

– Договорились, Наталья Павловна.

Глава 5

После чаепития прошла неделя. Константин больше не появлялся в магазине, и Женя решила, что он послушался Наталью Павловну. Это было очень обидно. Значит, опекунша оказалась права, и он просто хотел ее соблазнить.

Женя нисколько не влюбилась, вот еще! Но почему-то без него у нее стало пусто на душе.

Близился к концу очередной рабочий день. Женя всю смену убеждала себя, что не ждет Константина и вообще о нем не думает.

В магазин вошла припозднившаяся покупательница, Женя сказала, что дождется, пока та выберет книгу, и стала выравнивать стопки на столике с новинками.

А когда она обернулась к прилавку, возле него стоял Долгосабуров.

– Добрый вечер!

Она вздрогнула и, кажется, покраснела. Почему так сжимается сердце, если она не влюблена...

– Добрый вечер.

Покупательница подошла к кассе с томиком в аляповатой обложке. Оформляя покупку, Женя немного успокоилась.

Долгосабуров обошел магазин, поправил рекламный плакат. Стоя за прилавком, Женя крутила в пальцах карандаш. Волнуясь, она должна была занять чем-то руки. Ах, мудры были предки, заставляя женщин постоянно рукодельничать!

Наконец Константин подошел к прилавку и облокотился на него так, чтобы снизу заглядывать ей в глаза.

– Я скучал, Женя, – сообщил он. – А вы?

Она пожала плечами.

– А где Михаил Васильевич?

– Внизу, покупает продукты.

– Он так и встречает вас каждый вечер?

– Да, конечно.

– А как же коньки, Женя? Мне казалось, вам нравится кататься.

Коньки... Женя вспомнила, как Константин, стоя на коленях, сам примерял ей ботинки, по-хозяйски шнуровал, уперев лезвие себе в грудь, бесцеремонно засовывал палец за пяточку, проверяя размер...

Женя опустила взгляд и увидела его руку, лежащую на стопке томиков нового любовного романа. Длинные сильные пальцы... Вены, подумала Женя, как корни старых деревьев, которым тесно в земле. Не вполне понимая, что делает, она осторожно провела кончиком пальца по его руке. Он молча протянул ей раскрытую ладонь, она положила свою сверху.

Это был один из странных, редких в человеческой жизни моментов умиротворения и спокойствия. Когда два человека вдруг одновременно понимают, что все идет именно так, как должно быть.

Женя первая убрала руку.

Долгосабуров выпрямился.

– Пойдем кататься?

– Нет, Константин Федорович, – Жене стоило огромного труда произнести это. – Вы знаете, что мне нельзя с вами видаться.

– И вы всегда слушаетесь бабушку?

– Стараюсь.

Константин натянуто засмеялся:

– Вы, наверное, единственная девушка во вселенной, которая подчиняется своей бабке.

– Наталья Павловна мне не бабка, а опекунша. – Женя хотела, чтобы это прозвучало убедительно, но, кажется, не получилось. – Когда я стала никому не нужна, она взяла меня в свой дом. Старший сын Натальи Павловны женился на моей маме, когда мне было пять лет. Так что я ей не родная внучка, а по сути никто. Когда мама с мужем погибли, меня должны были взять мамины родственники. Но они не захотели, и, если бы не Наталья Павловна, я оказалась бы в детском доме.

– Она поступила достойно. Но разве теперь вы обязаны всю жизнь куковать возле нее?

– А Наталья Павловна этого и не требует, – слегка огрызнулась Женя. – И знаете, до сих пор у меня не было причин жалеть, что я слеую ее советам.

– Женя, я чем хотите клянусь, что ничего дурного вам не сделаю! – Он крепко взял ее за локоть, и на Женю вдруг повеяло опасностью.

Но не страшной, а интересной, манящей. Как на американских горках.

Она посмотрела в лицо Константину и поразилась: его серые глаза стали почти прозрачными, ледяными... хищными.

Внезапно вспомнилось: нельзя показывать хищнику, что ты его боишься! Женя выпрямилась и постаралась включить специальный взгляд, которому ее обучила Наталья Павловна.

– Раз у вас нет дурных намерений, ничто не мешает нам видаться в магазине, во время работы, – специальным же тоном произнесла она.

Долгосабуров отпустил ее руку и встал в дверях.

– Ха! Бабушка не разрешает! Надо же!

Женя переставила игрушки на прилавке. Ей все-таки очень хотелось пойти с Константином на каток. Несмотря на его странный взгляд. Но сдаваться было нельзя.

И ей удалось выйти победительницей в этом поединке! По-прежнему стоя в дверях, он неожиданно улыбнулся, и эта улыбка преобразила его лицо. Резкие морщины на щеках углубились, сделав его старше и добрее.

– Я загляну завтра около шести, согласны? Подберете мне две-три интересные книги?

Женя кивнула.

– А сейчас бегите к Михаилу Васильевичу. Я помогу охране закрыть магазин.

* * *

Кабинету профессора Волчеткина предшествовала большая приемная, в незапамятные времена отданная под музей кафедры. Экскурсий здесь не водили, но в ожидании профессора можно было провести время, разглядывая корешки старинных фолиантов, подлинники всех выпущенных на кафедре диссертаций, фотографии сотрудников. Из ценных экспонатов в музее присутствовали бронзовый бюст Пирогова, несколько древних хирургических инструментов, принадлежавших, по слухам, ему же, и большая картина из жизни медиков во время войны.

Миле нравилось прохаживаться вдоль старинных книжных шкафов, сидеть на потертом кожаном диванчике, при виде которого в голове всплывало слово «оттоманка», хоть Мила и не была уверена, что оно подходит.

Здесь она ощущала себя частью медицинской науки, чувствовала свое родство с теми, кто был до нее, и с теми, кто придет много позже и, возможно, скользнет взглядом по ее кандидатской.

Старые стены... Как много они хранят в себе радостей и печалей, страхов и надежд... Но молчат. Лишь иногда прошепчут что-то на своем языке, и ты не можешь понять, отчего тебе вдруг стало грустно.

Мила подошла к полуоткрытой двери в кабинет Руслана и услышала голос своего мужа. Разговор велся на повышенных тонах. Решив не ввязываться, она села на «оттоманку» и прислушалась.

– Акт расследования, надо же! – горячился Руслан. – А вы, позвольте спросить, кто? Шерлок Холмс? Вы дурыю маетесь, а у нас комиссии, лишение премии и поголовное обследование на стафилококк!

– Руслан Романович, это стандартная процедура. Как только поступает сигнал о нагноении, мы обязаны выяснить, каким образом микроорганизм попал в рану. Это делается не для того, чтобы вас наказать, а чтобы предотвратить подобные случаи в последующем.

– Да конечно! – фыркнул Руслан. – Знаете что, уважаемый Михаил Васильевич? Давайте проведем эксперимент. Вы возьмите свой акт расследования, сверните в трубочку и засуньте себе в ухо! Если он беспрепятственно выйдет из другого уха, то я перестану с вами спорить! А если вы все же наткнетесь там на некое препятствие, не пугайтесь. Это мозг. Постарайтесь активировать его и понять, что нагноение случилось не по нашей вине.

Мила поморщилась. Ей было стыдно, что Руслан так унижает ее мужа, и еще стыднее, что Михаил это терпит и даже симпатизирует Волчеткину. Он чуть ли не единственный врач в клинике, кто не завидует молодому профессору.

– Я, например, без всякой помпы выяснил, что хирург поликлиники сразу после выписки назначил пациентке УВЧ! – Руслан был само злорадство. – А вам, прежде чем гнать волну, следовало узнать результаты посева. Извольте: микрофлоры не выделено. Так что вы раскрыли убийство, когда никто не умер. Поздравляю!

– УВЧ на рану? Согласен, глупо. Это, безусловно, провоцировало нагноение. Но лишняя проверка никогда не помешает.

Не желая, чтобы Михаил знал, что она подслушала разговор, Мила пересела на стул в противоположном углу приемной и притворилась, что дремлет. Действительно, слов теперь было не разобрать, и она слегка отключилась от реальности, погрузилась в воспоминания...

Роман начался с того, что Мила вдруг обратила внимание: в клинике с ней здороваются неизвестный мужчина. Мало ли кто это, терапевт, а может, лифтер, какая разница, просто вежливый человек, мимоходом думала она, отвечая на приветствие.

В ту пору Мила готовилась к одинокой старости и была убеждена, что ни при каких обстоятельствах не может вызвать искренний мужской интерес.

Потом пошли слухи о новом санвраче: не успел поступить на работу, а уже замучил всех проверками и директивами. Но Мила не прислушивалась, даже сенсационная новость, что новый доктор холост, не вызвала в ней интереса.

Санврач оказался человеком очень добросовестным, и его бурная деятельность вызывала законное негодование клиницистов. Если у больного случайно обнаруживался понос, весь персонал отделения отправлялся сдавать анализы. Из забвения возродились посевы с рук хирурга. В приемном отделении впервые на Милиной памяти были вскрыты противочумные костюмы, при этом выяснилось, что из-за малых размеров нарядиться в них может только десять процентов сотрудников. Остальным придется погибнуть от чумы.

Потом пополз тревожный слух, что санврач вынашивает планы каких-то учений.

А потом Милино дежурство совпало с корпоративной вечеринкой. Смена выдалась спокойной, и ее отпустили ненадолго в конференц-зал, повеселиться и поесть. Пьяное веселье не особенно ее привлекало, поэтому Мила положила себе на тарелку вкусностей и устроилась в уголке. Но не успела она распробовать салаты, как вежливый незнакомец пригласил ее на танец. Мила немного сконфузилась, она была в хирургической форме, а мужичок выглядел нарядным даже на фоне модника Руслана. Правда, идеально отглаженный строгий и явно не новый костюм удивительно ему не шел, в нем он выглядел как деревенский тракторист.

Еще Миле не нравилось, что на фоне его щуплой фигуры она выглядит совсем уж толстой. Безо всякого энтузиазма протоптавшись с ним медленный танец, она вернулась к своей тарелке. Тут же появился Руслан и возмущенно спросил, как она может танцевать с их заклятым врагом – санврачом: «О чем ты с ним говорила? У него же извилины ровные и прямые, как строчки инструкций!» Мила пожала плечами, удивившись, что такая демоническая личность скрывается за столь невзрачным фасадом, доела салаты и незаметно выскользнула в приемник.

На следующий день она получила приглашение в больничный буфет. Мила сроду туда не ходила, мысль платить тридцать рублей за чашку кофе казалась ей безумной. Так она и сказала санврачу, заодно посоветовав обзавестись электрочайником и банкой «Нескафе». Ей и в голову не пришло, что приглашение имеет романтическую подоплеку. Может, он не знает, где находится буфет, а по Милиным габаритам заключил, что она лучше всех знает туда дорогу.

Потом были настойчивые приглашения «подвести до метро». Мила смотрела на его издыхающую железную лошадку и отказывалась. Но и тогда она ничего не заподозрила, решив, что санврач просто ее жалеет.

Но и за эту, как она думала, жалость, Мила была благодарна Михаилу Васильевичу, и если случайно вспоминала о нем, то с теплотой. Другими немногими достоинствами санврача были хорошая улыбка и ясный спокойный взгляд.

Постепенно выяснилось, что он двадцать пять лет прослужил в армии, и общественное мнение окончательно установилось в диапазоне «армейский жлоб» – «несчастный парень с искалеченным воинской службой мозгом».

Вплоть до одного случая так думала и Мила.

Они оперировали тяжелую кишечную непроходимость. Все, особенно анестезиолог, облились кишечным содержимым и пропитались соответствующим запахом.

Положение осложнилось тем, что не было санитарки, стояли в луже.

И тут заглянул санврач, который, по своему обыкновению, шатался по оперблоку, выслеживал микробов. Мила скривилась, ожидая штрафных санкций. Но санврач вдруг кинулся помогать. Принес тряпку, бросил под ноги Миле старые простыни.

– Родители-то, наверное, думают, какое счастье, ребенок выучился на врача, – сказал он злому молодому анестезиологу. – Сейчас в белом халате, чистенький... Знали бы они, верно?

И тот сразу заулыбался, успокоился, да и остальные взбодрились.

Зашивание раны не требует полной сосредоточенности, обычно на этом этапе начинаются посторонние разговоры. В тот раз бурно обсуждалось отсутствие души в оперблоке.

Далеко не праздный разговор! Ведь после операции придется идти в санитарную комнату и вставать в ту же ванну, где техничка моет ведра. Или мыться фрагментарно над раковиной.

А через две недели в оперблоке установили прекрасную душевую кабинку. Это была личная заслуга санврача, и Мила заметила, что хирургический состав должен его поблагодарить. Вот и поблагодари – ответили ей.

Спускаться на первый этаж было лень, Мила позвонила по местному телефону. В ответ на казенное «спасибо» последовало приглашение в кафе.

«Интересно, зачем он меня зовет?» – думала она, по-прежнему готовая признать за ним любые мотивы, кроме романтических. Но отказаться было неудобно.

Они мило провели вечер в скромном заведении, специализирующемся на японской кухне. Попробовали деликатесов, но остались голодными. И только поэтому Мила пригласила Михаила Васильевича зайти к ней попить чайку. Подразумевая именно «попить чайку», а не то, что подумал он и что, поднявшись в квартиру, немедленно стал осуществлять.

Мила была так изумлена натиском, что уступила. Михаил Васильевич оказался прекрасным любовником. В нем сочеталось все, чего только может пожелать женщина, – и стать, и сила, и напор, и нежность, и бог знает что еще. А самое главное свойство, которое возводило

все его достоинства в квадрат – он несколько ими не кичился. Он восхищался Милой, а не самим собой.

Она восприняла эту встречу, как последний отблеск заката своей женской судьбы. Он не остался ночевать, она проснулась одна и все утро репетировала перед зеркалом специальную улыбку, которая избавит их обоих от неловкости.

Но воспользоваться ею не пришлось: Михаил ждал ее на выходе из метро со сдержанным букетиком и предложением руки и сердца.

...Известно, что человек, находящийся в состоянии летаргического сна, не стареет. Даже через тридцать лет он проснется таким же молодым, как заснул. Но потом быстро, в считанные месяцы, достигнет своего биологического возраста. Так и наш брак, думала Мила. Два года всего прошло, а мы будто четверть века женаты – так успели надоесть друг другу.

Все должно приходиться вовремя, если что-то упустил – не догонишь.

Теперь Мила иначе воспринимала всенародно любимый фильм «Москва слезам не верит». До замужества она считала, что это история с хеппи-эндом, женщина после долгих мытарств обрела любовь и полноценную семью. И только после своего второго замужества Мила обратила внимание на последнюю фразу фильма: «Как долго я тебя ждала». Слишком долго. Так долго, что жизнь прошла.

Да и счастье... Кумир советских женщин Гоша, если присмотреться к нему внимательно, не кто иной, как обычный забулдыга с ворохом нереализованных амбиций. Восхищение этим облезлым идиолом можно объяснить разве что стокгольмским синдромом... Или изысканной банальностью: любите тех, с кем живете, если не можете жить с теми, кого любите. Именно это Мила и пыталась делать.

– Прекращай, Руслан, – жестко сказала она, входя.

– Что прекращать?

– Хватит издеваться над моим мужем.

– А... Прости, я не знал, что ты слышишь.

– Слышу – не слышу, дела не меняет. Перестань над ним глумиться раз и навсегда! У Михаила Васильевича, между прочим, два высших образования.

Руслан хмыкнул:

– Эти образования все равно что насадки для миксера без самого миксера. Извини, Мила.

В душе Мила была согласна с этим замечанием, но подавила улыбку и строго повторила:

– Не смей упражняться в остроумии за счет моего мужа. Ты и сам не светоч вселенского разума, не забывай.

Волчеткин лукаво взглянул на нее:

– Ладно-ладно.

– Ты уже сто раз обещал. Руслан, я серьезно предупреждаю! Может, ты хочешь со мной посориться?

– Боже сохрани! Не сердись. Лучше расскажи, как поживает Женя. Ты говорила, у нее появился поклонник?

Мила фыркнула:

– О, это невероятная история! Наталья Павловна изволила лично познакомиться с ним и забракела. Запретила Жене встречаться, мол, ухажер слишком стар. И девочка, представляешь, ее послушалась!

– Сколько же ему лет?

– Лет сорок, наверное. Но выглядит он хорошо. А Женя говорит: Наталья Павловна меня воспитала, и теперь я должна делать то, что она говорит. Представляешь, какой кошмар?

– Почему кошмар? Если существуют люди, готовые из чувства долга пожертвовать своими желаниями, это, наоборот, прекрасно...

– Прекрасно для всех, кроме них самих! – желчно перебила Мила. – Есть два вида плохого воспитания. Первый, это когда на выходе получается «мне все должны», а второй – «я всем должен». В особо тяжелых случаях не только должен, но и виноват. И неизвестно еще, какой вид хуже! Первый вид способен как-то обтесаться в обществе и превратиться в нормального человека, а у второго шансов нет. Это на всю жизнь. Стремление угодить всем порождает ужасные комплексы. И такой измученный нравственными метаниями гражданин может натворить зла в тысячу раз больше, чем жизнерадостный эгоист.

– Ой, Мила, не начинай! – Руслан поморщился. – Твой личный опыт – это всего лишь твой личный опыт. Ты похожа на Скарлетт из «Унесенных ветром». Та тоже вкалывала как лошадь, думая только о том, как бы всех прокормить.

– Ты бы лучше по специальности что-нибудь почитал, – съязвила Мила и тут же прикусила язык. Ясно же, что Руслан знаком с «Унесенными ветром» благодаря жене, которая любит смотреть фильмы вместе с ним.

Чтобы сгладить неловкость, она засуетилась, включила чайник.

– Я считаю, что каждый человек должен только себе самому. – Мила все-таки не удержалась от продолжения больно задевавшей ее темы. – И от того, как он этот долг понимает, все зависит. Если брать Женин случай, то в поведении Натальи Павловны не так уж много благородства. Все помнят, что она, прекрасная и самоотверженная, взяла сироту, но никто не заикается о том, почему она это сделала.

– И почему же?

– Метры, банальные метры! Ты не задумывался, откуда у нее такая квартира? Так вот, раньше это была коммуналка. У Натальи Павловны было четыре комнаты, а еще две занимали соседи. Потом ее старший сын женился на девушке с ребенком, то есть с Женей, и своей жилплощадью. Не знаю, о чем молодая жена думала, но она обменяла свое жилье на эти две комнаты. Так что отдавать Женю в чужие руки пришлось бы в комплекте с некоторым количеством квадратных метров.

– Вот как?

– Да, так. Если бы перед старухой не маячила перспектива вновь оказаться в коммуналке, Женя тут же отправилась бы ко всем чертям. Но маленькая тихая девочка лучше, чем алкоголик-сосед, верно? А тяготы по Жениному воспитанию в основном легли на плечи Михаила Васильевича. Кем бы ты его ни считал, сын он почтительный и преданный!

– Да я и не сомневался...

Но Милу было не остановить:

– Его жизнь – как раз иллюстрация к принципу «я всем должен». Всем, кроме собственной жены, – с ядом в голосе уточнила она, – жена еще «должнее». В семнадцать лет Наталья Павловна запихнула его в военное училище. Старший сын – наследник, а младший пусть сам пробивается. Он и пробивался, довольно, кстати, неплохо. Поехал служить на север, карьера двигалась, женился... Мог бы если не до генерала, до полковника точно дослужиться. Это здесь над ним все ржут, а в армии такие прямые люди востребованы. Но тут несчастье, сын-наследник с невесткой разбились в автокатастрофе. И старуха тут же потребовала Михаила назад! И все его достижения пошли коту под хвост. Это на периферии люди быстро растут, а здесь все лакомые места насижены-перенасижены, обещаны-переобещаны! В деньгах он очень потерял, а чтобы получить должность в Питере, пришлось обратно прописаться к мамаше, то есть отказаться от положенной при увольнении квартиры. Естественным следствием всех этих перемен стал уход жены. В общем, похерил человек свою жизнь ради чужих деток.

– Мила, не заговаривайся. Тебе они чужие, а ему родные племянники.

Дверь распахнулась, и в кабинет влетела операционная сестра Шурочка.

– Руслан! – громко воскликнула она, заметила Милу и неохотно добавила: – Романович! Натуралист опять аквариум уничтожил! Сколько это может продолжаться? Кто-то остановит его или нет?

Мила расхохоталась. Руслан вскочил:

– Проведите, проведите меня к нему! Я хочу видеть этого человека!

Шурочка была женщиной сказочной внешности. Обычная красота условна, привязана ко времени и пространству. Современный мужчина не взглянет дважды на красавицу эпохи Возрождения, а сама Мила произвела бы фурор в каком-нибудь племени эпохи неолита, где ценилась пышность форм. Но Шурочкина красота была неземной, если не сказать потусторонней. Впечатление нереальности хрупкой девушки с огромными глазами усиливалось копной совершенно белых волос. Цвета ангелова крыла, говорил Руслан.

Стороннего наблюдателя бесцеремонное появление Шурочки и обращение к профессору навело бы на определенные мысли. Одно время по клинике бродили слухи, но Мила в них не верила. Хотя... Почему бы и нет? – вдруг подумала она, идя за Русланом. Шурочка счастливо замужем, почему бы не обогатить свои отношения сексом без обязательств?

Натуралист был крупным сорокалетним увальнем с неподражаемым южно-русским говором. Интеллект ему заменяло довольство миром и собой. Свое прозвище он получил давно, и не за любовь к природе.

Однажды «Скорая» привезла кому неясной этиологии. Натуралиста, как дежурного травматолога, пригласили на консультацию. Он осмотрел больного: руки-ноги целы, что с мозгами – без невролога и томографа не разберешься, – и вдруг обнаружил на носу пациента микроскопические, но какие-то подозрительные точки. «Это укусы змей!» – с уверенностью заявил он. Ну конечно! В двадцатиградусный январский мороз это первое, что приходит в голову! От пациента разило алкоголем, поэтому сошлись на том, что это был зеленый змий.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.